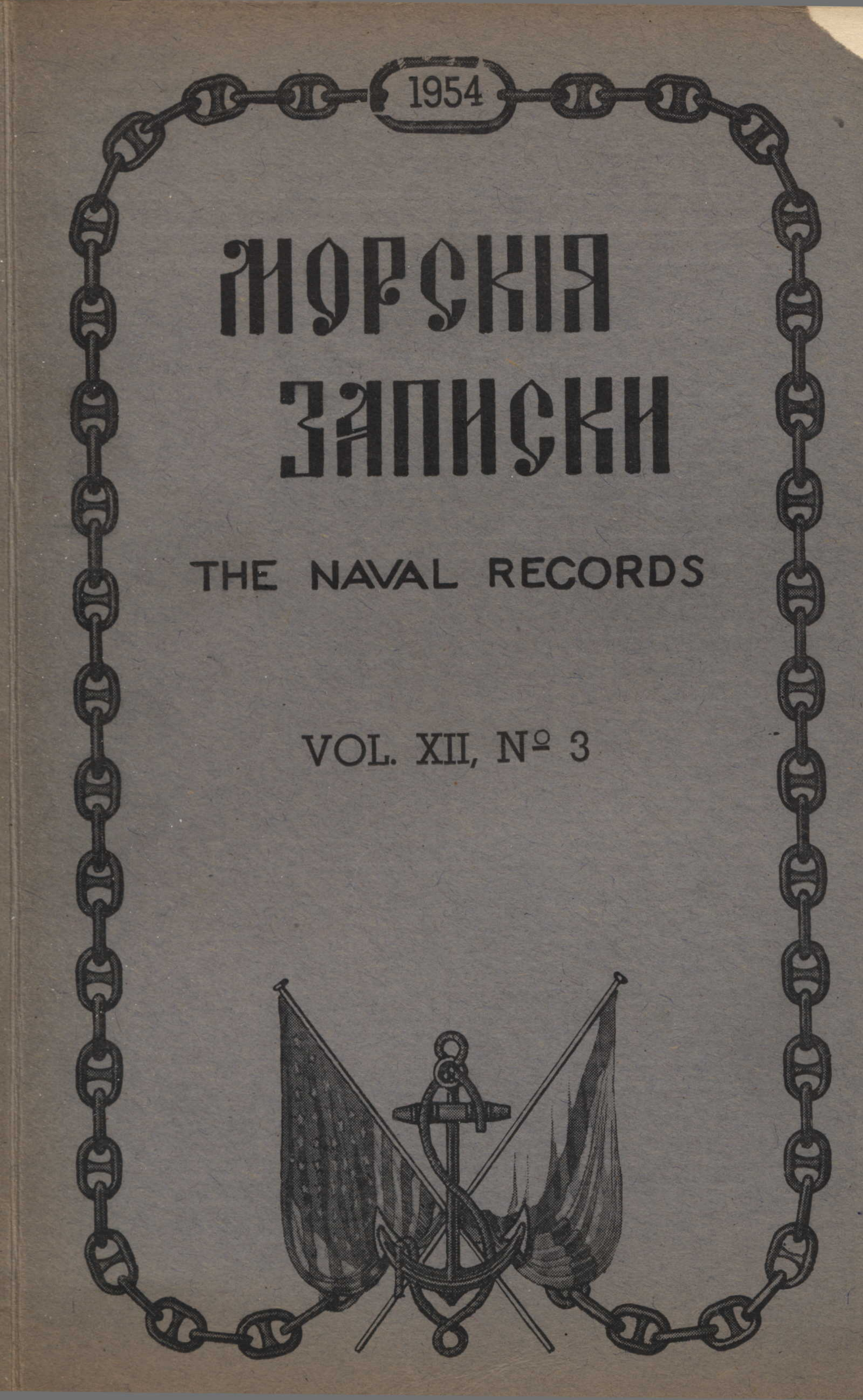

1954
МОРСКІЯ
ЗАПИСКИ
THE NAVAL RECORDS
VOL. XII, № 3

СПИСОКЪ

ДОЛЖНОСТНЫХЪ ЛИЦЪ ОБЩЕСТВА И АДРЕСОВЪ, ПО КОТОРЫМЪ ВО ИЗБѢЖАНІЕ ЗАДЕРЖКИ НАДЛЕЖИТЪ АДРЕСОВАТЬ КОРРЕСПОНДЕНЦІЮ.

По дѣламъ Общества:
Предсѣдателю, Георгію Ивановичу Пухирь.
G. J. Pookhir
41-44, 74th Street, Jackson Heights, L. I. N.Y.

По дѣламъ казначея:
Казначею, Юрію Всеволодовичу Соловьеву.
Yury V. Solovieff, 521 West 112th Street, Apt. 51.
New York 25, N.Y.

Связь, бюллетени, информація:
Генеральному секретарю Юрію Корнельевичу Дворжицкому.
George C. Dvorjitsky,
634 West 135th Street, New York 31, N.Y.

Комитетъ Помощи:
Предсѣдателю К-та, Владиміру Дмитріевичу Погожеву.
V. D. Pogogeff
141 West 71st Street, New York 23, N.Y.

По дѣламъ Казначея К-та Помощи:
Казначею К-та, Маринѣ Николаевнѣ фонъ Зонъ.
Mrs. M. N. von Sonn
371, 95th Street, Apt. 2-D, Brooklyn, 9. N.Y.

Комитетъ по выпискѣ семей морскихъ офицеровъ:
Предсѣдателю К-та, Георгію Ивановичу Пухирь.
G. J. Pookhir
41-44, 74th Street, Jackson Heights, L. I. N.Y.

Историческая Комиссія, библіотека, архивъ:
Предсѣдателю Исторической Комиссіи,
Сергѣю Владиміровичу Гладкому
Serge V. Glad
3604 Broadway, New York 31, N.Y.

„Морскія Записки“
Редактору, бар. Георгію Николаевичу Таубе.
G. N. Taube
465 Lexington Avenue, New York 17. N.Y.

Устройство вечеровъ и предпріятій:
Генриху Генриховичу дю Беллэ.
Henry P. du Bellet
324 West 56th Street, New York 17, N.Y.

МОРСКІЯ ЗАПИСКИ

Издаваемыя Обществомъ Офицеровъ Россійскаго Императорскаго Флота въ Америкѣ подъ редакціей Ст. лейт. Бар. Г. Н. Таубе 465, Лексингтонъ авеню Нью Іоркъ, С. Ш. А.

THE NAVAL RECORDS

Published by the Association of Russian Imperial Naval Officers in America, Inc. G. N. Taube Editor. 465, Lexington Avenue, New York 17, N. Y., U. S. A.

Vol. XII. № 3 Price $3.00 yearly DECEMBER, 1954

Содержаніе:

Contents:

Каспійская Военная Флотилія

Въ серединѣ 1918 года городъ Баку былъ занятъ отрядомъ генерала Бичерахова, состоявшимъ, главнымъ образомъ, изъ терскихъ казаковъ. Несмотря на развалъ и крушеніе фронта, генералу Бичерахову удалось сохранить въ части ввѣренныхъ ему войскъ, порядокъ и дисциплину старой Россійской Арміи. Во главѣ небольшого отряда онъ двинулся съ Багдадскаго фронта, и пройдя походомъ черезъ всю Персію, вышелъ на побережье Каспія, гдѣ большевики уже начинали чувствовать себя хозяевами. Опираясь на свои части и русскія общественныя организаціи, ген. Бичераховъ направилъ всѣ свои усилія на установленіе порядка и поддержаніе престижа русскаго имени. Но тутъ-то ему пришлось столкнуться съ противодѣйствіемъ и открытымъ недовольствомъ матросской вольницы, составлявшихъ экипажи военныхъ кораблей и порта, и возглавлявшимъ ихъ „Центрокаспіемъ", комитетомъ съ полубольшевистской окраской. Каспійская военная флотилія, состоявшая тогда изъ канонерскихъ лодокъ „Карсъ" и „Ардаганъ", (съ весьма приличной артиллеріей) и нѣсколькихъ вооруженныхъ пароходовъ, находилась въ состояніи полнаго разложенія и, въ концѣ концовъ, все грозило вылиться въ чисто большевистскія формы. Это былъ вулканъ, вѣчно готовый къ изверженію. Населеніе трепетало передъ тяжелой артиллеріей кораблей, бродившихъ по всему простору моря и не признававшихъ никого и ничего. Кромѣ политики, „товарищи" усиленно занимались и спекуляціей, перевозя на военныхъ корабляхъ различные товары и сбывая ихъ, по произвольнымъ цѣнамъ, обывателямъ, находившимся въ постоянной блокадѣ.

Въ то время большевизмъ не былъ особенно популяренъ среди населенія и даже части рабочихъ, ибо было не до „политики". Извнѣ напирали турки; кучка интеллигенціи изъ туземнаго населенія, разжигая національную ненависть, вела непримиримую самостійническую политику. Изъ Персіи появились англичане и немедленно принялись за перекачку нефти въ Батумъ, наполняя тамъ десятки судовъ, на которыхъ развивались англійскіе флаги. Эксплоатируя богатство края, они косо поглядывали

на русскіе государственные элементы, очевидно лишь ожидая благовиднаго предлога для полной ихъ ликвидаціи. Въ эту эпоху господиномъ положенія чувствовала себя только Каспійская флотилія, и ген. Бичерахову надо было торопиться съ уничтоженіемъ очага постоянныхъ смутъ и большевистской заразы, для каковой цѣли онъ и командировалъ въ Черное море Корабельнаго Инженера, поручика Н. А. Дремлюженко, съ просьбой къ Морскому Командованію прислать кадръ офицеровъ и команды для ликвидаціи „Центрокаспія" и созданія Добровольческой военной флотиліи, при помощи которой можно было бы стать твердой ногой на Кавказѣ и, обезпечивъ такимъ образомъ тылъ и правый флангъ Добровольческой Арміи, продвигавшейся черезъ Терскую область къ побережью моря, предложить ей прекрасную базу въ Баку.

Конечно, возрожденная флотилія, вооруженная 4", 120 mm, 130 mm. и 6" пушками, должна была кореннымъ образомъ измѣнить положеніе. Азербайджанскимъ непримиримымъ тенденціямъ былъ бы положенъ конецъ, вліяніе англичанъ было бы сведено къ минимуму и была бы установлена прочная связь съ возставшимъ Ураломъ и Туркестаномъ. А армія, шедшая безводными степями къ Астрахани, имѣла бы прекрасную коммуникаціонную линію.

Кромѣ того, взятіе самой Астрахани, окруженной водой безъ систематической поддержки флотиліей, было бы дѣломъ чрезвычайно труднымъ. Для флотиліи же владѣніе портомъ Баку являлось вопросомъ жизни, такъ какъ это былъ ЕДИНСТВЕННЫЙ портъ, имѣвшій доки и всѣ средства для ремонта судовъ (остальные служили лишь укрытіемъ отъ непогоды). Съ отправкой времени терять было нельзя. Путь къ Баку лежалъ черезъ Грузію, отношеніе которой съ Добровольческой Арміей портились съ каждымъ днемъ и, если проѣздъ считался вполнѣ возможнымъ въ 1918 году, то въ началѣ 1919 года уже представлялся гадательнымъ. Да и большевистская агитація въ Баку сильно прогрессировала. Военные корабли могли ежеминутно уйти въ Астрахань и оттуда уже начать военныя дѣйствія противъ добровольцевъ и англичанъ.

* * *

Севастопольское Морское Командованіе встрѣтило проектъ генерала Бичерахова довольно враждебно, и кап. 2 р. Пышновъ, взявшій на себя организацію отряда и походъ съ нимъ въ Каспій, натолкнулся на цѣлый рядъ препонъ. Подъ благовидными предлогами не разрѣшали офицерамъ запись въ отрядъ, денегъ не давали, съ обмундированіемъ было скверно и наконецъ, отсутствовалъ какой-либо свободный транспортъ для перевозки въ Новороссійскъ или въ Баку. Въ частныхъ разговорахъ Штабъ заявлялъ, что „намъ и здѣсь нужны офицеры" для „возрожденія флота".

Прошелъ декабрь, январь и февраль — драгоцѣнное время утекло, моментъ былъ потерянъ, ибо проѣздъ черезъ Грузію уже былъ закрытъ. Наконецъ, послѣ безконечныхъ разговоровъ и долгихъ и упорныхъ хлопотъ Б. М. Пышнова, отправка была рѣшена, деньги отпущены и нашелся транспортъ, на которомъ размѣстился отрядъ, погрузивъ провизію, 4" снаряды и немного шкиперскаго имущества.

Отрядъ, разстаявши за время ожиданія со 150-ти до 70-ти человѣкъ, представлялъ собой довольно непрезентабельную картину. Обмундированіемъ не снабдили, а поэтому офицеры, въ большинствѣ своемъ пробиравшіеся черезъ всевозможные „фронты" и „границы", одѣты были кто-во-что гораздъ. Какъ сейчасъ помню нашу воинскую часть во фронтѣ: я имѣлъ широкополую бархатную шляпу, клѣтчатое неопредѣленнаго цвѣта пальто клешъ, направо сосѣдъ мой, инж. мех. мичманъ Колесниковъ въ котелкѣ, въ фрачномъ короткомъ пальто и полосатыхъ брюкахъ, съ винтовкой и подсумками, совсѣмъ былъ несуразенъ: слѣва — мрачный мичманъ Фроудъ — въ фуражкѣ студента электротехническаго института и въ жиденькомъ лѣтнемъ лапсердакѣ, напоминалъ какого-то ратника 5-го разряда. Кое-гдѣ мелькали старенькіе бушлаты и блестѣли погоны туземцевъ черноморовъ. Коченѣя въ холодномъ и темномъ трюмѣ транспорта, мы награждали самыми отчаянными эпитетами сильныхъ міра сего.

Итакъ, 16-го февраля 1919 г. в/т. „Віолетта" вышла въ море, но встрѣтивъ сильный штормъ отъ N.O. и потерявъ возможность управляться, черезъ 5 сутокъ вернулась въ Севастополь. Вторично мы вышли 24-го и 25-го благополучно прибыли въ Новороссійскъ. „Начальство" встрѣтило транспортъ съ недоумѣніемъ. Никто не зналъ, что съ нами дѣлать. Не добившись ничего отъ мѣстнаго штаба, кап. 2 р. Пышновъ выѣхалъ въ Екатеринодаръ съ докладомъ. Въ это время мы получили свѣдѣнія, что ввиду полной деморализаціи и большевитсскихъ выступленій командъ военныхъ кораблей въ Баку, англичане принуждены были ихъ разоружить и, придравшись къ случаю, ликвидировали вмѣстѣ съ тѣмъ русское вліяніе въ этомъ далекомъ уголкѣ былой Россіи. Ссылаясь на „ненадежность" русскихъ воинскихъ частей, они ультимативно потребовали отъ ген. Бичерахова оставленіе края и вывода казаковъ. Русскій вопросъ былъ рѣшенъ, и мы торжественно опоздали!!! Съ уходомъ войскъ англичане стали полными хозяевами въ экзотической Азербайджанской республикѣ, болѣе извѣстной подъ именемъ „кукурузной".

Въ Екатеринодарѣ кап. 2 р. Пышновъ получилъ отъ генерала Деникина приказъ пройти съ эшелономъ въ портъ Петровскъ на соединеніе съ остатками отряда ген. Бичерахова и положить тамъ начало Морской Добровольческой силы. Конкретнаго было сказано мало — были лишь выражены пожеланія и сказаны хорошія слова. 4-го марта эшелонъ, пополнившись нѣсколькими морскими офицерами, въ теплушкахъ выѣхалъ изъ Новороссійска.

Въ „Червленой Узловой“ (на рѣкѣ Терекъ), мы узнали съ бронепоѣзда „Терецъ“, что желѣзная дорога, мосты, станціи, далѣе не существуютъ — чечня возстала и вдоль по Тереку происходятъ взаимные налеты и бои горцевъ съ казаками. Вѣковая вражда вылилась въ кровавую, безпощадную войну, воскресившую въ полномъ объемѣ времена Лермонтова. Тогда было рѣшено, спустившись по лѣвому берегу Терека до города Кизляра, далѣе попытаться степями выйти на побережье Каспійскаго моря. Путь между Червленой и Кизляромъ былъ весь усѣянъ брошеннымъ имуществомъ, отходившей на Астрахань, красной Кавказской арміи (кстати, почти цѣликомъ погибшей въ пути отъ безпощаднаго сыпного тифа). Чего-чего тутъ только не валялось: швейныя машинки, грамофоны, мебель, бѣлье, патроны, винтовки и посинѣвшіе полуобглоданные трупы лошадей, а иногда и солдатъ...

12-го марта мы прибыли въ совершенно разграбленный большевиками и опустошенный сыпнымъ тифомъ городъ Кизляръ. Никогда не изгладится изъ моей памяти этотъ мертвый, покинутый населеніемъ городъ, памятникъ гражданской войны. 16-го марта, погрузивъ незначительное имущество на захваченныя въ окрестностяхъ подводы, отрядъ двинулся походнымъ порядкомъ къ морю. Промаршировавъ 80 верстъ, черезъ двое сутокъ мы вышли на пустынное, соланчаковое побережье Каспія и расположились въ маленькомъ, забытымъ Богомъ и людьми, рыбачьемъ поселкѣ, со страннымъ названіемъ „Чаканъ“.

Это была кучка, вонючихъ, грязныхъ хижинъ, вылѣпленныхъ изъ грязи, съ полудикимъ населеніемъ, принадлежавшимъ къ какой-то сектѣ. Эти туземцы относились къ намъ съ нескрываемымъ отвращеніемъ, какъ къ чему-то поганному, запросто крестясь, плюясь и творя молитву послѣ разговора съ кѣмъ либо изъ матросовъ или офицеровъ.

Черезъ нѣсколько дней, замѣтивъ проходившій въ морѣ моторъ, обстрѣлявъ и заполучивъ его, такимъ образомъ въ свои руки, погрузивъ безъ дальнѣйшихъ дипломатическихъ разговоровъ багажъ и размѣстившись другъ на другѣ, такъ что моторъ сѣлъ по верхнюю палубу, мы вышли въ море и легли на S. Счастливъ нашъ Богъ что былъ абсолютный штиль. Хорошо было въ морѣ... Всѣ оживились, послышался смѣхъ, шутки... Житейскія невзгоды, теплушки, насѣкомыя, тифъ — все было забыто. Самые мрачные пессимисты съ вѣрою смотрѣли на будущее... Наконецъ, 22-го марта ночью мы вошли въ гавань Петровска. Цѣль была достигнута, первая половина приказа ген. Деникича была выполнена.

* * *

Петровскъ, къ прибытію эшелона, напоминалъ осажденную крѣпость. Связь съ внѣшнимъ міромъ поддерживали только по радіо и аэропланами. Горы кругомъ кишели возставшими туземцами, постоянно тревожившими немногочисленный гарнизонъ города, и державшимъ его въ напряженномъ ожиданіи и готовности къ очередному налету.

По ночамъ, на окраинахъ, въ виноградникахъ происходили перестрѣлки съ абреками. Настроеніе было въ достаточной степени тревожное. Гарнизонъ города въ то время составляли части отряда генерала Бичерахова, находившагося подъ командой престарѣлаго ген. Пржевальскаго, и имѣвшее въ своемъ составѣ авто-броневой дивизіонъ (нѣсколько хорошихъ машинъ съ пулеметами), конно-горную батарею (4 орудія), офицерскій конный (100 человѣкъ) и пѣшій (250 человѣкъ) отряды. Броневой дивизіонъ и батарея находились въ отличномъ состояніи — люди были одѣты, дисциплинированы и боеспособны. Съ офицерскими отрядами было значительно хуже.

Нашъ эшелонъ немедленно придали къ „Арміи" ген. Пржевальскаго и мы принялись за несеніе нарядовъ гарнизонной службы. Территорія же Петровскаго порта, окруженная проволочными загражденіями, находилась въ распоряженіи англичанъ. Портъ они превратили въ промежуточную базу для своей флотиліи. Къ этому времени они имѣли нѣсколько вооруженныхъ среднекалиберной артиллеріей большихъ комерческихъ пароходовъ, которые, неся дозорную службу и крейсеруя въ сѣверной части моря были всегда готовы отразить покушеніе большевиковъ на районъ Баку.

Англичане встрѣтили насъ чрезвычайно холодно; становилось очевиднымъ, что разсчитывать на помощь «союзниковъ» не приходится. На такое отношеніе англійскихъ моряковъ мы отвѣтили отказомъ имѣть съ ними какой-либо «альянсъ» и, съ своей стороны, приняли за правило совершенно на замѣчать присутствія знатныхъ иностранцевъ.

Въ нашей войнѣ съ горцами они не принимали никакого участія, сохраняя самый строгій «нейтралитетъ». Однако мы полагали что появленіе какого-то «маргариноваго» правительства изъ весьма дикихъ людей съ большими носами и длинными кинжалами (не то въ Дербентѣ, не то въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ), обошлось не безъ благословенія представителей Лондона. Одинъ такой «правитель», прибывшій повидимому, съ «важной дипломатической миссіей» и обнаруженный на главной улицѣ «столицы» едва не былъ выпоротъ въ назиданіе потомству (ссылки на международное право не оказали никакого вліянія), и только клятвенное обѣщаніе немедленно исчезнуть изъ города спасло великаго человѣка.

8-го апрѣля мы получили въ свое распоряженіе первый «корабль». Это былъ моторный баркасъ «Успѣхъ» (тонъ 30 водоизмѣщенія), на которомъ бѣжалъ изъ Астрахани капитанъ 2 р. Ордовскій-Танаевскій. Немедленно на него были назначены: лейтенантъ Р. Э. Виренъ, мичманъ Вильгельмининъ, инж. мех. мичманъ Колесниковъ и нѣсколько матросовъ. Катеръ вооружили пулеметомъ и подняли національный флагъ. (Английское командованіе заявило, что присутствіе Андреевскаго флага въ Каспіи —НЕВОЗМОЖНО).

14-го апрѣля вернулся ни съ чѣмъ кап. 2р. Пышновъ, ѣздившій въ Баку для переговоровъ съ главнымъ командованіемъ англичанъ о передачѣ намъ канонерскихъ лодокъ „Карсъ" и „Ардаганъ".

Въ теченіе апрѣля мѣсяца „Успѣхъ" три раза выходилъ въ море, поддерживая связь съ „пристанью" Старо-Теречная, которая являлась конечнымъ пунктомъ Кизляръ — Каспій. Эта „пристань" представляла собой одну полуразрушенную избу, затерянную въ миляхъ 150 отъ Петровска на пустынномъ солончаковомъ побережьи моря.

Въ серединѣ апрѣля на Старо-Теречную прибылъ „начальникомъ" Каспійской военной флотиліи кап. 1 р. Сергѣевъ, его флагъ-офицеръ кап. 1 р. К. Шубертъ, флагъ-офицеръ мичманъ Путилинъ и группа офицеровъ и матросовъ, составлявшихъ такъ называемый „второй эшелонъ" флотиліи. Кап. 1 р. Шубертъ первымъ добрался до Петровска на рыбачьемъ парусникѣ. За остальными же былъ отправленъ „Успѣхъ", благополучно доставившій Командующаго къ мѣсту службы. . .

Въ это время въ Петровскѣ готовили къ перебраскѣ въ область войска Уральскаго авто-броневой дивизіонъ. Для этой цѣли были заняты пароходы „Саметъ-Ага" и „Эдиссонъ". Когда закончили погрузку машинъ и матеріаловъ, внезапно забастовали вольно-наемныя команды кораблей, объявивъ, что помогать бѣлогвардейцамъ они ни въ коемъ случаѣ не будутъ. По иниціативѣ кап. 1 р. Шуберта оба парохода были заняты нашими моряками. Начальникомъ отряда назначили кап. 2 р. Пышнова, командиромъ „Эдиссона" — лейт. Шепелева (въ распоряженіе котораго откомандировали: мичмановъ — В. Шейнерта, Л. Павлова, Н. Скорописова, Лаврова; инж. мех. мичмановъ — Нехорошева Литвинюка, мичмана в/в. Спиридонова, прапорщиковъ — Овчинникова, Муравлева и кондукторовъ — Чернаго, Вдовиченко. Левянцова. На „Саметъ-Ага" были назначены: стар. лейт. ?, мичманы А. Сеньковскій, А. Степановъ и Милькомановичъ; инж. мех. мичманы Эккъ, Трейеръ и Ильинъ: мичмана в/в. Завадовскій и Якимовичъ, Поручикъ Пономаровъ и прапорщикъ Новиковъ).

23-го апрѣля, подъ конвоемъ англійскаго вооруженнаго парохода отрядъ, имѣя баржу на буксирѣ, вышелъ на N. На траверзѣ острова Кулалы англичане повернули обратно, а транспорты 25-го апрѣля подошли къ Гурьеву и стали на якорь въ шести миляхъ отъ берега.

Трудно описать радость уральцевъ, получившихъ драгоцѣннѣйшія техническія средства. Моряковъ встрѣчали, какъ дорогихъ гостей. Корабли снабжались въ изобиліи продуктами, о деньгахъ никто и слышать не хотѣлъ. . . Это былъ первый подарокъ возставшему Уралу отъ Южной Добрарміи.

1-го мая „Саметъ-Ага" разгрузившись первымъ вышелъ обратно въ Петровскъ. На слѣдующій день экипажу транспорта пришлось пережить не мало тяжелыхъ минутъ, чуть-чуть не попавъ прямо въ лапы большевикамъ. Находясь въ миляхъ 35 на NW отъ форта Александровскаго, часовъ въ 8 утра обнаружены были, прямо на S, три дыма — одинъ, повидимому, парохода и два миноносныхъ, шедшихъ въ кильватеръ на Остъ. Все притихло на „Саметъ-Агѣ", единственное тяжелое орудіе — пулеметъ приготовили къ бою. Не было жалобъ, не было паники, хотя и гибель казалась неминуемой. . . Мечтали только объ одномъ — сцѣпившись съ красными бортъ-о-бортъ въ абордажной схваткѣ, продать жизнь какъ можно дороже.

Начальникъ отряда, Б. М. Пышновъ, приказалъ лечь на N, и стараясь не дымить, попытаться уйти отъ врага. . . Маневръ удался, и минутъ черезъ 20 дымки исчезли за горизонтомъ. 3-го мая „Саметъ-Ага" вошелъ въ Петровскую гавань, а 4-го вернулся и „Эдиссонъ", не встрѣтивъ никого въ морѣ. Во время рейса нашихъ транспортовъ трагически погибъ со всемъ своимъ штабомъ извѣстный на югѣ генералъ Гришинъ-Алмазовъ. Онъ вышелъ на пароходѣ „Леля" изъ Петровска въ Гурьевъ, имѣя какую то миссію къ адмиралу Колчаку. Его также проконвоировалъ до траверзовъ форта вооруженный англійскій корабль. И какъ только послѣдній исчезъ за горизонтомъ, транспортъ сталъ легкой добычей откуда-то выскочившаго краснаго миноносца. О пассажирахъ „Лели" никто ничего не слыхалъ. . . . Тѣмъ временемъ наше положеніе въ Петровскѣ значительно улучшилось. Горцы были разбиты — осада снята. Произошло это слѣдующимъ образомъ: Терскимъ казакамъ, повидимому, порядкомъ надоѣло терпѣть постоянные налеты и грабежи чеченцевъ. Заволновался Терекъ, какъ въ доброе старое время Запорожье. . . Потянулись со всѣхъ станицъ до Грознаго казаки. Не было мобилизаціи, не было плановъ, не было штабовъ, что-то стихійное было въ этомъ движеніи. . . Когда, наконецъ, собралось ихъ тысячъ до пятнадцати, то подъ командой стараго терца, генерала Ляхова, они устремились въ горы — огнемъ и мечемъ прошли по ауламъ — пощады не было никому. Остатки чечни спаслись въ неприступныхъ

ущельяхъ. Дойдя до Петровска, казаки повернули обратно къ станицамъ. Подъ прикрытіемъ добровольческихъ броневиковъ, дорога была быстро возстановлена, и мы, наконецъ, непосредственно связались съ базой и ставкой Добрарміи.

Въ первыхъ числахъ мая, средствами желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ, приступили къ ремонту заброшеннаго 60-ти тоннаго мотора „Петровскъ", на который и были вскорѣ переведены лейт. Виренъ и инж. мех. мичманъ Колесниковъ. 3-го мая катеръ „Успѣхъ", посланный подъ командой мичмана Вильгельминина для обстрѣла чеченцевъ въ районѣ Старо-Теречной, застигнутый жестокимъ N.W., имѣя неисправными оба мотора и лишившись руля, былъ выброшенъ въ полузатопленномъ состояніи на отмель у острова Чечень. 10-го мая съ Чечни вернулся, не будучи въ состояніи снять катеръ, транспортъ „Эдиссонъ", а 13-го мая оба эти транспорта были внезапно оставлены русской командой. Англичане предложили ультимативно въ суточный срокъ вернуть въ ихъ распоряженіе пароходы.

Тогда кап. 1 р. Шубертъ предложилъ сухопутному командованію придуманную имъ военную авантюру—походъ на Астрахань на рыбачьихъ парусникахъ (на мѣстномъ жаргонѣ именуемыхъ рыбницами). Онъ разсчитывалъ своимъ ухарствомъ завоевать симпатіи кого-слѣдуетъ и въ концѣ концовъ стать всесильнымъ Накаспомъ. Но рекламная экспедиція ничего самому „Костѣ Шуберту" не принесла... Итакъ, занявъ 9 парусниковъ, расписавъ по нимъ личный составъ, „Костя Шубертъ" (подъ этимъ именемъ онъ былъ извѣстенъ всѣмъ), почувствовалъ себя совершенно независимымъ. Не зная ни моря, ни расположенія и силъ противника, не имѣя никакого плана, раздобывъ гдѣ-то четыре пулемета съ нѣсколькими лентами на каждый, снабдивъ $^3/_4$ личнаго состава винтовками, „Костя" объявилъ господамъ офицерамъ: — „Какъ-нибудь да возмемъ Астрахань". Несмотря на нелѣпость авантюры, настроеніе молодежи, покидавшей Петровскъ, было бодрое. 18-го мая, на буксирѣ парохода „Востокъ" армаду потянули къ острову Чечень.

(Продолженіе слѣдуетъ)

А. Н. Павловъ.

КЪ ЮБИЛЕЮ „БЕЗКРОВНОЙ“.

Мы естественно и довольно быстро вымираемъ. Но мнѣ не помнится ни одного описанія событій, происшедшихъ въ Гельсингфорсѣ въ дни „безкровной революціи“, какъ прозвали мартовское дѣйство наши слѣпые политическіе поводыри.

Въ февралѣ 1917 года я былъ и. д. старшаго офицера миноносца „Самсонъ“, изумительнаго корабля, изъ числа 36, которые спѣшно входили въ строй, при недостаткѣ въ командахъ и офицерахъ.

Въ первыхъ числахъ того злополучнаго мѣсяца, почему-то именно я, былъ вызванъ начальникомъ дивизіона, капитаномъ 1 ранга Развозовымъ, приказавшимъ организовать сводную, пулеметную роту, изъ командъ нашего дивизіона, „такъ какъ,—сказалъ онъ, — ожидаются безпорядки рабочихъ порта.... Германская пропаганда усиливается. Вы видѣли это?“—и онъ далъ мнѣ отличный отпечатокъ снимка обѣихъ бригадъ линейныхъ кораблей, крашеныхъ мѣломъ и закованныхъ во льду Сѣверной гавани Гельсингфорса, а внизу четкая линія: „Зимой всѣ зайцы бѣлы“.

„Выгоднѣе потерять одинъ изъ дредноутовъ въ морѣ, чѣмъ дать погибнуть духу командъ, гноя корабли въ портахъ!“,—не разъ говорилъ я волевому и умному А. И. Непенину, во время обѣдовъ наединѣ, при наличіи его кухарки, „перепелки“, на дачѣ въ Ревелѣ.

„Если во время войны рабочіе бастуютъ, ихъ надо объявить военно-обязанными. Тогда, въ случаѣ неповиновенія, разстрѣлять бастующихъ, какъ предателей и разослать фотографіи на фабрики Имперіи, чтобы повадно не было“,—пришлось мнѣ отвѣтить отличному мастеру Ряднову—маленькому и тощему—когда въ октябрѣ, мы спѣшили оторваться отъ завода на Невѣ, чтобы выйти въ море до ледохода.

„Съ такими разговорчиками вамъ слѣдовало бы полегче въ теперешнее время“—злобно сверкнувъ глазами, едва внятно, но

угрожающе произнесъ мастеровой, укрѣплявшій на переборкѣ въ кають-компаніи слѣпого Самсона, рушащаго храмъ на головы своихъ враговъ.

Теперь, вернувшись на корабль, я вызвалъ унтеръ-офицера Новикова, бывшаго у меня рядовымъ, горизонтальнымъ наводчикомъ 2-й башни на «Петропавловскѣ» и боцмана Сыроѣдова, приказавъ имъ намѣтить людей для пулеметнаго взвода. Приказаніе передалъ на «Десну» стар. офиц. Фомину и на «Азардъ», прекрасному офицеру, Потолову - «Потѣ». Но вопросъ объ этой пулеметной ротѣ почему-то заглохъ.

Послѣдіе дни февраля, очень морознаго, атмосфера была сгущенной. Перестали приходить газеты. Офицеры рѣшительно ничего не знали, въ то время какъ команды, благодаря штабнымъ и другимъ телеграфистамъ, а главное, пріятелямъ на берегу, отлично знали о безпорядкахъ, начинавшихся въ Петроградѣ.

Утромъ 3-го марта, костромичъ Александръ Цвѣтковъ, вѣстовой, переведенный мною съ крейсера «Аврора», нѣсколько взволнованно сообщилъ мнѣ, что въ городѣ и за городомъ происходятъ собранія командъ и рабочихъ, «словомъ митинги», добавилъ онъ новѣйшее европейское слово.

День былъ ярко-солнечный, очень морозный. Рядомъ съ нами стояли закованные въ толстый ледъ: слѣва «Азардъ», справа «Десна», «Изыльметьевъ» и «Ильинъ». Всѣ носомъ въ море въ сторону древней крѣпости, пролива Густавсвертъ, со сходнями съ кормы на каменную стѣнку, занесенную хрустящимъ искрящимся снѣгомъ. Совсѣмъ близко отъ Южной гавани была большая площадь и широкая Эспланада, деревья которой поникли вѣтвями подъ тяжестью бѣлаго, плотнаго покрова.

Рабочій день прошелъ обыденно, но часовъ около 7-ми пришелъ приказъ отъ командующаго флотомъ, адмирала Непенина: «Со всѣхъ кораблей прислать двухъ делегатовъ матросовъ».

Этого новаго, иностраннаго словечка, сначала никакъ не могли понять, переспросивъ по телефону «Кречетъ», невидимый также какъ и все линейные корабли за застроенной частью полуострова, отдѣлявшаго обѣ «гавани».

Уже помимо меня делегатами отправились очень блѣдный, веснушечный рыжеватый машинный унтеръ-офицеръ Силинъ и похожій на медвѣжонка, плотный трюмный рядовой...

Какъ узналось позже, мятежъ начался еще до спуска флага на «слѣпышахъ», «Императорѣ Павлѣ I» и «Андреѣ Первозванномъ», двухъ линейныхъ корабляхъ, ни одного раза не выходившихъ за наше центральное минное загражденіе. Когда команда пожелала поднять красный флагъ вмѣсто Андреевскаго на «Андреѣ Первозванномъ», караулъ просилъ старшаго артиллериста, Геннадія Бубнова, чтобы онъ «сдалъ вахту другому».

„Чтобы кто-нибудь другой позволилъ вамъ поднять красную тряпку? Никогда!“ — густымъ басомъ отвѣтилъ онъ, выпрямляя свой могучій ростъ. Его подняли на штыки... Неизвѣстно, было ли это первымъ убійствомъ на кораблѣ, но все это происходило на виду «Кречета» и, вѣроятно, уже раньше командующій послалъ свои послѣднія трагическія телеграммы: „Съ трудомъ сдерживаю ввѣренные мнѣ армію и флотъ отъ анархіи. Въ отреченіи Вашего Величества вижу спасеніе Россіи“, и другую „комитету Государственной Думы“, съ просьбой угля для Ревеля, хлѣба для Гельсингфорса и „задержки тысячи шпіоновъ, переходящихъ Шведскую границу“.

Въ то время, какъ Силинъ, съ другими делегатами слушали рѣзко-честную рѣчь А. И. Непенина, законченную словами: „а уже сегодня Россіей правитъ чортъ!“, на этихъ двухъ линейныхъ корабляхъ на верхней палубѣ офицерамъ разбивали головы кочегарными кувалдами. Каждое убійство сопровождалось холостымъ орудійнымъ выстрѣломъ.

Ночь была звѣздная. Внезапно небо стали безпорядочно бороздить лучи прожекторовъ съ линейныхъ кораблей. Иногда лучи заливали свѣтомъ снѣжную поверхность моря. Со стороны Свеаборгской крѣпости раздавались ружейные выстрѣлы.

Около восьми депутаты доставили манифестъ объ отреченіи Государя.

На молитву въ 8, команда, какъ всегда, стройно собралась въ носовомъ, пространномъ кубрикѣ, освѣщенномъ лампочками на бортахъ, надъ рундуками для коекъ. Благодаря матовому застекленію, здѣсь не было яркаго свѣта, какъ въ каютъ-компаніи, съ ея люстрой надъ длиннымъ столомъ. Но въ этомъ строевомъ, какъ и въ машинномъ кубрикѣ, я развѣсилъ купленные мною, удивительной красоты, портреты, въ частности Ольги и Татьяны Николаевны, столь же милыхъ, столь разныхъ.

Передъ молитвой, читая манифестъ, всѣми силами старался сдерживаться, чтобы быть понятнымъ. „Подчиняйтесь правительству ПО ПОЧИНУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ВОЗНИКШЕМУ...“ во имя Россіи „чтобы избѣжать гражданской войны...“ „передъ лицомъ безпощаднаго врага...“ „да поможетъ Богъ и Великомученикъ Георгій Побѣдоносецъ“.

Въ этомъ документѣ, написанномъ въ условіяхъ „кругомъ измѣна, предательство и трусость“, какъ Императоръ Николай II подчеркнулъ въ своемъ дневникѣ, все было ясно, какъ послѣднее прости невиннаго, шедшаго на искупительную жертву.

Кончивъ читать манифестъ подписью я приказалъ: „Не пѣть Спаси Господи люди Твоя“, а послѣ раздачи коекъ приказалъ принести мнѣ въ каюту портреты Царской семьи, т. к. „можетъ быть кому-либо они будутъ теперь непріятны“.

Дежурный офицеръ, отличный минеръ, Несвицкій скомандовалъ: „На молитву“.

„Отче нашъ!...“ „да пріидетъ царствіе Твое, да будетъ воля Твоя...“, знакомыя всѣмъ съ дѣтства слова безподобной вѣры и законовъ на всѣ случаи повседневной жизни. Ихъ стройно пѣли хоромъ дисциплинированные, дорогіе матросы, такіе всѣ разные, но до сегодня связанные понятнымъ долгомъ передъ Отечествомъ. „Но избави насъ отъ лукаваго...“, вѣдь это такъ ясно: избави насъ отъ „БѢСОВЪ“ генеальнаго Достоевскаго, отъ „чорта“, такъ правильно упомянутаго Адріаномъ Ивановичемъ Непенинымъ, человѣкомъ желѣзной воли, умнымъ и человѣколюбивымъ...

„Богородице...“ ... „Государь отрекся...“, и я не стѣснялся града слезъ, стоя на вытяжку, „какъ нужно“, не желая поднять руки, хотя въ глазахъ мутился свѣтъ и они солили губы.

„Накройсь! Койки брать!” — командовалъ Несвицкій. „Всё рѣшительно, всё было кончено!..“

По крутому трапу поднялся наверхъ. То же вѣчное небо, тѣ же до времени звѣзды, тотъ же загасившій огни Гельсингфорсъ, столица Великаго Княжества Финляндскаго. Тѣ же милые сигнальщики на мостикѣ, на палубѣ вахтенные... Но уже все кажется другимъ, благодаря только что пережитому, началу страшнаго.

Стрѣльба со стороны Свеаборгской крѣпости участилась, приближались и одиночные выстрѣлы со стороны города и порта, рѣдко ахали пушки.

„Боевая тревога!” — неожиданно для себя приказалъ я, вспомнивъ о „пулеметной ротѣ и безпорядкахъ рабочихъ” и мнѣ представился тотъ планъ, о которомъ говорили адмиралу Непенину: „Такъ легко, внезапно группами подойти къ кораблямъ во льду, подвести на салазкахъ къ борту „адскія машины“ и взорвать всѣхъ, ночью, въ мятель.

Мгновенно все забѣгало. Снимались парусиновые, заледенѣвшіе чехлы, завращались орудія, открывались погреба и только убѣдившись съ Сыроѣдовымъ на бакѣ, что безъ ледокола „оттянуться“ отъ берега нельзя, направился на мостикъ и оттуда громко прокричалъ: „Предателямъ и нѣмцамъ мы своего „Самсона“ даромъ не дадимъ!“

На палубахъ сосѣднихъ миноносцевъ появились отдѣльные матросы.

Мой командиръ, В. П. Ивановъ, былъ, какъ „женатикъ“, на берегу.

Потухли прожектора. Стихла перестрѣлка. Отдѣльные выстрѣлы продолжались всю ночь.

„Отбой!“ — приказалъ я. Безъ пальто на мостикѣ было очень морозно. Въ каютъ-компаніи было тепло и свѣтло. Но съ этого момента начались непрерывные доклады и звонки по телефону: „Убитъ кап. 2 р. Поливановъ и всѣ офицеры...“; „убитъ лейтенантъ Львовъ..“; „убитъ стар. лейт. Виттъ..“ (въ него стрѣляли съ берега и растерявшаяся команда „Изыльметьева“ пыталась „схоронить“ его тѣло, сбросивъ на толстый ледъ). Боцманъ Сыроѣдовъ принесъ серебряный портсигаръ поручика по адмиралтейству, „только что убитаго у нашей сходни“. „Ваше Выс-іе, звонятъ съ „Цесаревича“, изъ Рижскаго залива. Команда требуетъ, чтобы берегли лейт. Павлова“.

„По линіи“, сигнальщики передавали другъ-другу „приказаніе съ „Петропавловска“—„всѣмъ кораблямъ зажечь красные гафельные огни“, а минутъ черезъ 10: по линіи: „ОФИЦЕРОВЪ РАЗОРУЖИТЬ, НО НЕ УБИВАТЬ...“— совершенно растерянно доложилъ старый служака, коренастый боцманъ Сыроѣдовъ.

Изъ нашихъ офицеровъ, лейт. Антоновичъ, штурманъ совсѣмъ лысый, хотя юный, еще днемъ радовавшійся „что теперь-то, безъ Распутина, грязнаго мужика, и при отвѣтственномъ министерствѣ, война скоро и побѣдоносно кончится, ха-ха-ха!..“,— отъ возрастающаго возбужденія не находилъ себѣ мѣста, потирая руки, бѣгалъ по каютъ-компаніи и повторялъ: „Но вѣдь это немыслимо! Этого допустить нельзя, это невозможно!... Это чортъ знаетъ что такое!..“ Мнѣ пришлось приказать ему удалиться въ его каюту. Самъ же отобралъ у него револьверъ. У другихъ офицеровъ револьверовъ на кораблѣ не оказалось.

„Что касается моего револьвера, я его, конечно, не отдамъ. Ты такъ командѣ и скажи — для себя приберегу!“, — объяснилъ я боцману, пришедшему спросить: „что прикажете дѣлать?“

«Берегите лейтенанта Павлова!» —пришелъ по телефону новый приказъ съ «Петропавловска» часовъ около 11, но уже за подписью «революціонный комитетъ».

«За что? — задалъ я себѣ вопросъ, пошелъ въ каюту, раздѣлся, легъ и приказалъ дежурному офицеру не будить меня «безъ особой надобности».

Только что успѣлъ улечься, какъ раздался скребъ въ желѣзную дверь каюты, за задернутой толстой зеленой занавѣской.

То былъ мой вѣстовой, Цвѣтковъ. Онъ былъ ужасно блѣденъ и губы непрерывно шевелились. Онъ долго и пристально на меня смотрѣлъ расширенными карими глазами, стоя опираясь плечемъ объ умывальникъ, крашеный, какъ вся мебель, подъ красное дерево, и вдругъ низко уронивъ голову на обѣ руки, горько зарыдалъ, какъ ребенокъ.

Между всхлипываній и тяжелыхъ вздоховъ, я могъ только уловить: «Да какъ же это будетъ безъ Царя? и за что? за что невинныхъ убиваютъ?»

Этотъ сынъ народа, какъ и я, потихоньку пришелъ подѣлиться со старшимъ братомъ своимъ неутѣшнымъ горемъ, т. к. онъ очевидно видѣлъ мои слезы во время молитвы. Недавно грамотный — лишь съ новобранства — этотъ простой строевой матросъ оплакивалъ уже въ тѣ первые часы «весны свободы», то море крови и страданій десятковъ милліоновъ людей, которые въ теченіе десятилѣтій будутъ умирать безвинно, или не зная и не понимая за что. Насколько же этотъ сынъ крестьянина былъ сердечнѣй и прозорливѣй тѣхъ образованныхъ, избранныхъ, которые, съ легкомысленнымъ презрѣніемъ къ массамъ, къ народу, бросили его въ пучины той свободы, которая имъ самимъ была нужна лишь для «продвиженія», самолюбованія и наживы...

Засыпая я слышалъ, подъ собой, подъ стальной палубой въ строевомъ кубрикѣ гомонъ разговоровъ. Онъ былъ похожъ на трудный гулъ улья весной, или передъ вылетомъ.

Вспомнилъ лишь позже, что среди докладовъ Сыроѣдова, было и два доноса на меня, «который никогда не признаетъ свободы и революціи». Одинъ былъ отъ лейтенанта Янковича, «дѣлавшаго карьеру» и при большевикахъ, другой отъ какого-то инженеръ-механика.

Проснувшись, какъ всегда, «до побудки», позвонилъ вахтеннаго. Пришелъ онъ нескоро, говорилъ вяло сообщивъ: «такъ что команда уже ушла на берегъ на митингъ», съ удареніемъ на слово «и». Тотчасъ вставъ, написалъ командиру рапортъ, подавъ въ отставку «по болѣзни» закончивъ его словами: «такъ какъ война нами, безнадежно проиграна». Подалъ я его въ 8 часовъ командиру, разстроенное лицо котораго было красно, какъ послѣ бани, и даже былъ плохо сдѣланъ проборъ, посреди темно-рыжихъ волосъ.

«Ты, конечно, подождешь немного съ этимъ?» — внимательно прочтя, сказалъ онъ мягко, какъ всегда, какъ будто мурлыча подъ носъ пѣсенку.

„Пока освидѣтельствуютъ врачи, и найдутъ мнѣ смѣну. Фокъ вѣдь скоро вернется изъ отпуска".

День былъ солнечно-безвѣтренный, градусовъ 10 мороза, и на ослѣпительномъ снѣгу, на базарной площади и дальше, на Эспланадѣ, вездѣ ползали, какъ муравьи, черныя точки матросовъ.

Въ этотъ день, въ моргѣ, шпалами накрестъ были сложены трупы болѣе ста убитыхъ офицеровъ. Большинство изъ нихъ были специалисты, товарищи, знакомые, друзья — партнеры въ теннисъ, на бильярдѣ, въ шахматы. Откуда было ихъ взять? кѣмъ замѣнить?

Было ясно: въ первую голову съ флотомъ Балтики для Германіи все было кончено.

Именно этого результата опасался адмиралъ Непенинъ, организаторъ службы связи, шпіонажа, а затѣмъ подлинно дѣйствующаго флота. Опасаясь этого, онъ и послалъ телеграмму Государю, уже освѣдомленный о „непоколебимо" революціонной позиціи блока въ Думѣ и полной растерянности военныхъ властей въ Петроградѣ.

„Меня смѣнили. Приготовь вещи. Вечернимъ поѣздомъ уѣдемъ въ Петроградъ",—успѣлъ онъ протелефонировать женѣ, въ томъ году съ нимъ обвѣнчавшейся, съ „Кречета", около часу дня, на квартиру супруги своего начальника штаба...

А въ 12 часовъ, какъ обычно, въ каютъ-компаніи „Самсона" офицеры сѣли за столъ. Былъ накрытъ онъ по праздничному, съ прекраснымъ хрусталемъ, привезеннымъ мною изъ столицы. Едва успѣли мы съ командиромъ выпить по рюмкѣ водки подъ шпроты, какъ съ докладомъ пришелъ боцманъ.

Нѣсколько путаясь и запинаясь, онъ объявилъ, что „команда проситъ всѣхъ господъ офицеровъ итти встрѣчать делегацію правительства, кромѣ старшаго офицера и старшаго механика, т. к. команда имъ выразила недовѣріе", уже совсѣмъ сконфуженно пролепеталъ онъ конецъ. (Офицеры, конечно, не знали ничего о „делегаціи", ни того, что въ ту ночь команда „приговорила" браваго лейтенанта Фока къ смертной казни за „мордобойство").

„Не нервничай, не сердись!" — произнесъ по французски Ивановъ, отъ бѣшенства покраснѣвшій какъ ракъ.

„Собрать всю команду въ носовомъ!",—бросилъ я Сыроѣдову, рѣзко вставая съ „предсѣдательскаго" кресла. „Спасибо тебѣ, я не волнуюсь!",—и направился по длинному коридору къ выходу на верхнюю палубу. У насъ свистѣли дудки. Справа и слѣва, на палубахъ — ни души.

Въ кубрикѣ, то была уже не „построившаяся", какъ вчера, команда, а толпа, какъ тѣ, которыхъ я два года принималъ новобранцами въ Кронштадтѣ. Что больше всего мнѣ бросилось въ въ глаза, оставшись навсегда въ памяти, что мои „вѣрные" Новиковъ, Дробязго, Батура, Цвѣтковъ, и прочіе были не въ переднемъ ряду, но сзади, стояли на скамейкахъ, держась за бимсы. Нѣкоторые склонивъ лицо.

Со мною было то, что случалось всегда при крайнемъ негодованіи—внутренній, отвратительный холодъ, до дрожи, и благодаря этому не обычный крикъ взрыва, но ледяныя, тихія слова.

„Итакъ, вы мнѣ не довѣряете?... и даже не спросивъ, довѣряю ли я всѣмъ вамъ? Буду кратокъ. Надо обѣдать. Даю вамъ 5 минутъ

(и я щелкнулъ надъ головой артиллерійскимъ секундомѣромъ), да, 5 минутъ на размышленіе. Требую извиненій, или . . . буду тоже считать себя свободнымъ".

„А какъ же это мы будемъ ему довѣрять?"—расталкивая толпу справа, вынырнулъ внезапно низенькій, широкоплечій кочегаръ, съ усиками и грязно - небритымъ лицомъ, —„вы же мнѣ обѣщали 50 рублей на швейную машинку, а дали только 20!" и стоялъ онъ свободно, растопыривъ короткія ноги и размахивая руками.

„Это я ему изъ своихъ въ долгъ далъ 20. Больше не было! Вотъ ему-то, конечно, всецѣло можете довѣрять!",—на этотъ разъ выкрикнулъ я, пошелъ, затѣмъ побѣжалъ вверхъ по трапу, захлопнувъ за собой дверь въ офицерскій коридоръ и направился къ себѣ въ каюту.

Былъ грѣхъ-соблазнъ: на столъ рядомъ съ секундомѣромъ, положилъ „Баяръ" 9 мм.

Минуты черезъ три, слышу бѣгутъ по коридору. „Такъ что просятъ у васъ - простите. Ошибка значитъ вышла",—и я никогда не поинтересовался узнать о томъ, „какъ оно у нихъ тамъ вышло?".

Въ 2 часа, большая квадратная площадь, между монументально-тяжелымъ вокзаломъ и знакомой „морячкамъ" гостинницей „Феніей", представляла необычную картину. Въ ея серединѣ, на кипенно - бѣломъ, хрустящемъ снѣгу, былъ воздвигнутъ эшафотъ изъ свѣжихъ, некрашеныхъ досокъ. Перпендикулярно къ зданію вокзала, шагахъ въ пятидесяти отъ трибуны, по обѣимъ сторонамъ выстроились: справа, тоненькая ниточка сотни черныхъ, морскихъ офицерскихъ пальто и сзади, въ 10 шагахъ, тысячъ 5 матросовъ, не строемъ, но компактной толпой. Слѣва (отъ эшафота) человѣкъ 50 армейскихъ офицеровъ, шеренгой, а сзади нихъ нѣсколько тысячъ уже совершенно разтегнувшихся, распоясанныхъ солдатъ.

Поѣздъ съ делегатами правительства запаздывалъ, „не то на часъ, не то на два". Морозъ крѣпчалъ, ноги остро зябли. Солнце сіяло въ свѣтло - мѣдномъ туманѣ, уже невысоко надъ длинной крышей вокзала. На площади, въ толпѣ, были красные флаги, плакаты, и даже на одномъ портретъ Николая Николаевича, съ лицомъ удлиненнымъ сѣрой папахой надъ хищнымъ взглядомъ съ бородкой.

На трибунѣ смѣнялись ораторы. Памятнымъ остался прапорщикъ Брильянтовъ, въ новенькой формѣ и скрещенныхъ ремняхъ „Псевдонимъ", подумалось мнѣ. Онъ говорилъ о счастьѣ человѣческой свободы, объ ужасахъ тираніи и правахъ народа. Рядомъ съ нимъ взгромоздился широкоплечій матросъ въ бушлатѣ и

указывая въ сторону офицеровъ кулакомъ, зычно кричалъ намъ въ лицо: „Перебить всѣхъ этихъ гадовъ! Вы, ребята, не помните, передушатъ они насъ всѣхъ, какъ въ пятомъ году. А я тебѣ говорю, прапоръ ты несчастный (Брильянтову), какъ собакъ всѣхъ перетопить, вотъ тебѣ и весь сказъ!“.

Въ этотъ моментъ, съ какой-то крыши раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ. Сразу свисъ спиралью мѣдный трамвайный проводъ, а около гостиницы „Сосьетэ“ упалъ раненый проходившій по тротуару, генералъ. Раздались гдѣ-то женскіе вопли. Теперь произошло невиданное: стоять остались только офицерскія короткія шеренги, въ то время какъ многотысячная толпа матросовъ и еще большая солдатъ легла плашмя на снѣгъ, толкая другъ друга, валясь, а затѣмъ двигая руками и ногами въ безсмысленныхъ движеніяхъ, какъ бы плавая.

Прапорщикъ Бриліантовъ „соціалистъ-революціонеръ“ — какъ онъ представился — крѣпко колотя себя въ грудь между ремнями и подъ свѣтло-барашковымъ воротникомъ, справился все же съ этой паникой, главнымъ образомъ потому, что звуки дальнѣйшихъ выстрѣловъ были заглушены трескомъ и грохотомъ съѣзжавшаго подъ горку, изъ-за „Феніи“, сѣраго, грязнаго грузовика. На открытой его платформѣ, съ поднятыми обочинами, между матросами въ бушлатахъ, со многими ленточками „Императоръ Павелъ I“, стояли: адмиралъ Максимовъ („пойка“ изъ финновъ, плохо „выковыривавшій“ по-русски) съ широчайшей красной лентой черезъ плечо, его флагъ - офицеръ, огромный, черный какъ жукъ лейтенантъ Василевскій, разсѣченный такой же эмблемой благонадежности, и лейт. Муравьевъ, штаба той же пресловутой „Минной обороны“. Моторъ, шедшій подъ горку, выкатился на площадь, но здѣсь, внезапно чихнувъ, погасъ.

Толпа вставала, оправляясь. На площади вдругъ стало тихо. Матросы, а вслѣдъ за ними Пойка, со своими архангелами, поднялись на эшафотъ и затѣмъ строевой унтеръ-офицеръ закричалъ истошнымъ голосомъ на всю площадь:

„Сейчасъ у воротъ Свеаборгскаго порта нами убитъ тиранъ Непенинъ. Мы выбрали его, новымъ командующимъ флотомъ!“ — и онъ ткнулъ пальцемъ въ грудь Максимова, чуть пониже его козлиной, сѣдѣющей бородки.

На площади царила гробовая тишина.

„Господинъ капитанъ 2-го ранга!,—тихо обратился я къ стоявшему рядомъ командиру, — прошу васъ сегодня же передать мой рапортъ объ отставкѣ Начальнику Дивизіи“. Стоявшій на правомъ флангѣ, рядомъ съ Ивановымъ, кап. 1 р. Развозовъ съ удивленіемъ на меня посмотрѣлъ. Онъ же, двѣ недѣли спустя, замѣнивъ адмирала Кедрова (Свиты Его Величества, благополучно уѣхавшаго въ Петроградъ, гдѣ сразу сталъ помощникомъ Гучкова, Морского министра) на „Самсонѣ“, стараясь „спасти спасаемое“, весьма громко кричалъ, что соціализмъ и равенство, по существу очень хороши, но все-таки нужна дисциплина. . .

Но въ тотъ первый день свободы Максимовъ не успѣлъ проявить себя. Въ тотъ моментъ раздался тончайшій свистъ финскаго паровоза. То пришелъ поѣздъ съ делегатами. На высокомъ подъѣздѣ вокзала началась суета. Даже кто-то, гдѣ-то скомандовалъ „смирно!“. Трудно было подняться на эшафотъ по скользкимъ ступенямъ, извѣстному въ Думѣ златоусту и горькому пьяницѣ Родичеву: ему мѣшали резиновыя галоши, длинная, толстая черная шуба и волненіе.

„Товарищи матросы и солдаты!, — обратился онъ черезъ наши головы, — вы вмѣстѣ съ нами, наконецъ, завоевали свободу! Свободу! . . . Теперь вы знаете за что вы будете воевать . . . безъ предательсгва въ тылу. . . ненавистный царизмъ умеръ на всегда. Весь! весь народъ заодно съ нами! ...“ — и въ голосѣ его послышались слезы. Онъ снялъ каракулевую шапку конусомъ, простеръ съ ней правую руку и поклонился . . . „это доказано тѣмъ, что переворотъ произошелъ безкровно. Первый изъ главнокомандующихъ кто поддержалъ нашу народную власть, это благородный адмиралъ Непенинъ“, и онъ указалъ шапкой на стоявшаго рядомъ съ нимъ Максимова . . „Берегите же его!“

Родичева смѣнилъ чуть не „тотъ самый“ Скобелевъ, говорившій то же, но въ другомъ порядкѣ и менѣе виртуозно; къ тому же, ему, повидимому, было очень холодно.

Третьимъ восторгался достигнутой побѣдой „товарищъ Михаилъ изъ Выборга“ (?). Онъ былъ явнымъ новичкомъ въ этомъ искусствѣ. Взявъ изъ рукъ Василевскаго огромный мегафонъ, онъ въ него надрывался, поворачиваясь на всѣ четыре стороны почти съ каждымъ словомъ. Этотъ громкій лай разрозненныхъ фразъ отражался глухимъ эхомъ въ квадратѣ каменныхъ стѣнъ площади.

Солнце закатилось за вокзаломъ. Было градусовъ 15. Послѣ криковъ „ура“, промерзшіе люди спѣшили кто — куда. Максимовъ съ делегатами спѣшилъ на „Кречетъ“. Первымъ его приказаніемъ было: поставить стулья часовымъ. На „Громобоѣ“, бездарно командуя бригадой крейсеровъ, онъ запретилъ проходить надъ его каютой не разувшись. Теперь онъ торопился „демократизироваться“.

* * * *

Когда большая толпа матросовъ, частью пьяныхъ — послѣ ночныхъ убійствъ — въ большинствѣ съ „Императора Павла I“, пришла требовать, чтобы „Командующій флотомъ отправился съ ними на митингъ“, командиръ „Кречета“, мой пріятель, баронъ Мирбахъ, уговаривалъ его не покидать корабля. Но толпа была частью вооружена и угрожающая. Адмиралъ Непенинъ рѣшилъ идти, опасаясь худшаго.

Сопровождать его пошли флагъ - офицеръ Тирбахъ и инженеръ - механикъ, тоже съ „Цесаревича“, какъ и Мирбахъ, Куремировъ. Оба лейтенанты.

Штабсъ-капитанъ корпуса Гидрографовъ, Таранцевъ, такъ описалъ мнѣ убійство, которое онъ видѣлъ, стоя около гранитной лѣстницы, наверху, у спуска къ желѣзнымъ воротамъ порта. „Когда толпа, во главѣ которой шелъ адмиралъ, только миновала ворота, матросы подхватили подъ руки Тирбаха и Куремирова и отбросили ихъ прочь, въ снѣгъ за низенькій, чугунный заборчикъ. Непенинъ остановился, вынулъ золотой портсигаръ, закурилъ повернувшись лицомъ къ толпѣ, и, глядя на нее, произнесъ, какъ всегда, негромкимъ голосомъ: „Кончайте же ваше грязное дѣло!". Никто не шевельнулся. Но, когда онъ пошелъ, ему выстрѣлили въ спину и онъ упалъ. Тотчасъ же къ тѣлу бросился штатскій и сталъ шарить въ карманахъ. Въ толпѣ раздался крикъ „шпіонъ". Тутъ же ждалъ расхлябанный, сѣрый грузовикъ. Тѣло покойнаго сейчасъ же было отвезено въ моргъ. Тамъ оно было поставлено на ноги, подперто бревнами и въ ротъ была воткнута трубка.

Въ такомъ видѣ, на другой день, увидѣлъ адмирала А. И. Непенина доблестный матросъ «Самсона», костромичъ Александръ Цвѣтковъ.

Необходимо отмѣтить: на «Цесаревичѣ» и другихъ корабляхъ въ Рижскомъ заливѣ, какъ и на крейсерахъ въ Ревелѣ, ходившихъ постоянно въ море – убійствъ офицеровъ не было: отреченіе Государя, освободивъ НАСТОЯЩИХЪ вѣрноподданныхъ отъ присяги Ему, уменьшило количество жертвъ, предотвратило гражданскую войну (въ Гельсингфорсѣ былъ убитъ, и то случайно, одинъ матросъ); не будь революціоннаго комитета на «Петропавловскѣ» (ни одного убійства на этомъ кораблѣ), въ условіяхъ полнаго ночного хаоса и «финскихъ стрѣлковъ», количество жертвъ революціи было бы гораздо большимъ; какъ извѣстно количество звѣрствъ въ Кронштадтѣ было наибольшимъ, какъ въ базѣ бездѣйствующаго флота и къ тому же столь близкой къ столицѣ, главнымъ объектомъ революціонныхъ партій, такъ и Германской Имперіи.

Начавшаяся травля «свободной» и безотвѣтственной прессы матросовъ вообще (на 40-50.000 матросовъ—убитыхъ офицеровъ около 200), травля глупая и несправедливая, совершенно естественно привела ихъ въ объятія дворянина Ленина и Льва Троцкаго, умно и демагогически окрестившаго ихъ «красой и гордостью революціи». Но тотъ же Троцкій, съ красными юнкерами ихъ безпощадно разстрѣлялъ, когда придя первыми въ себя, какъ наиболѣе развитая часть русскаго рядового воинства, матросы, уже вмѣстѣ съ офицерами, возстали въ Кронштадтѣ „за совѣты безъ коммунистовъ".

Тридцать семь лѣтъ тому назадъ. . . Тридцать семь!

* * * *

До своего „ареста“ генералъ-адъютантомъ Алексѣевымъ на вокзалѣ Могилева, Государь прощался съ гарнизономъ Ставки Верховнаго Главнокомандующаго.

Онъ шелъ, столь знакомой многимъ покачивающейся, мягкой походкой, и глядя въ послѣднiй разъ на русскiя лица первой шеренги, навѣрное не поправлялъ усовъ, ни перчатокъ, жестомъ неизмѣнной застѣнчивости.

„Прощайте братцы!“... и онъ рѣзко повернулся и крупныя слезы текли по щекамъ, когда онъ направился въ вагонъ

Изумительный русскiй языкъ! Государь, прощаясь съ солдатами, какъ будто увѣковѣчилъ въ повелительномъ наклоненiи глаголъ прощать. Прощайте! Простите имъ всѣмъ, простите и мнѣ, прощайте другъ друга. Такъ какъ безъ прощенiя русскiе люди никогда вновь другъ-друга не поймутъ!

ПС. Мало кому извѣстенъ и слѣдующiй фактъ: лѣтомъ 1918 г., въ Москвѣ произошло возстанiе, такъ называемое Маруси Спиридоновой и „лѣвыхъ эс-эровъ“. На самомъ же дѣлѣ ядромъ этого возстанiя, со стрѣльбой до орудiй включительно, послужилъ многотысячный отрядъ матросовъ, матроса Попова. Начальникомъ его штаба былъ старшiй артиллерiйскiй унтеръ-офицеръ Новиковъ, котораго мнѣ удалось перевести въ 16 году на „Самсонъ“ съ линкора „Петропавловскъ“. Новикову удалось даже арестовать на нѣсколько часовъ „товарища Дзержинскаго“... и онъ отлично понялъ сущность всего революцiоннаго движенiя уже въ апрѣлѣ 1917 года.

Контръ-адмиралъ Ю. К. Старкъ.

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ СИБИРСКОЙ ФЛОТИЛІИ ВЪ ПЕРІОДЪ 1921-1922 гг.

(Продолженіе)

Дерзкое нападеніе красныхъ на японскія войска въ районѣ Спасска въ мартѣ 1922 года, разрывъ переговоровъ въ Дайренѣ и великолѣпный праздникъ русскихъ націоналистовъ въ годовщину переворота 26 мая 1922 года, признанный знаменательнымъ даже американскимъ консуломъ во Владивостокѣ, усиливали позицію военныхъ круговъ Японіи.

Резолюція перваго съѣзда, составленная въ ультро-демократическомъ духѣ, КОНСТИТУЦІЯ Приморья, предусматривавшая наличіе власти законодательной, въ лицѣ Народнаго Собранія, неоднократныя декларации Правительства въ томъ же духѣ, создали въ глазахъ иностранцевъ ореолъ Народнаго происхожденія власти Вр. Приамурскаго Правительства.

Японцы, детально освѣдомленные о настроеніяхъ различныхъ политическихъ группировокъ и имѣвшіе въ своемъ распоряженіи всѣ персональныя характеристики, отлично знали природу бунта группы членовъ Народнаго Собранія. Когда часть правыхъ членовъ Народнаго Собранія, желавшая паденія Меркуловыхъ по личнымъ соображеніямъ, объединилась съ крайними лѣвыми, стремившимися свалить Національное Правительство, ненавистное имъ, какъ сторонникамъ большевиковъ, революціи еще не было. Была только политическая комбинація. Когда послѣ окончанія военнаго бунта былъ объявленъ созывъ Земскаго Собора, японцы поняли, что предстоятъ коренныя перемѣны. Козыри были вырваны изъ рукъ японской военной партіи. Было объявлено о принципіальномъ рѣшеніи эвакуировать Приморье, но, все-таки, срокъ эвакуаціи еще не былъ объявленъ и не было рѣшено, что эвакуація будетъ полная.

Когда Земскій Соборъ вмѣсто простого выбора Верховной Власти измѣнилъ всю конституцію Приморья, уничтоживъ Народное Собраніе, на лицо былъ уже полный поворотъ и полное отступленіе отъ идеи народоправства.

Въ глазахъ японскихъ парламентаріевъ Власть и Армія, боровшіяся противъ большевиковъ, были отдѣлены отъ населенія. Японцамъ ничего не оставалось, какъ уходить.

8-го августа въ засѣданіи Собора состоялась торжественная передача Власти Временнымъ Приамурскимъ Правительствомъ — Правителю, генералъ-лейтенанту Дитерихсъ.

Въ томъ же засѣданіи имъ были прочитаны Указъ No 1, согласно которому государственное Приморское образованіе именовалось впредь: „Пріамурскій Земскій Край", Армія — „Земская Рать" и Командующій Войсками и Флотомъ — „Воевода Земской Рати", и указъ No. 2, содержавшій новую инструкцію Краевой Власти, по которой задача власти дѣлилась на двѣ части: 1) Управленіе внѣшними общегосударственными дѣлами при сохраненіи у аппарата Власти, способности быстро продвигаться впередъ по мѣрѣ расширенія территоріи и 2) Развитія и укрѣпленія базы движенія, устройство тыла. Поэтому Власть исполнительная дѣлилась на два органа: 1) Совѣтъ внѣшнихъ дѣлъ, состоящій изъ Управленія, по дѣламъ Финансовъ, Торгово-Промышленнаго, Иностранныхъ Дѣлъ и Путей Сообщенія и 2) Совѣтъ Внутреннихъ Дѣлъ, состоявшій изъ Управляющаго Внутренними Дѣлами, Владивостокскаго Городского Головы, Предсѣдателя Земской Управы и Атамана Уссурійскаго Казачьяго Войска. Въ непосредственномъ подчиненіи Правителю остались Государственный Контролеръ и Вѣдомство Юстиціи.

При Правителѣ состояла Земская Дума, родъ законосовѣщательнаго учрежденія, избираемая Земскимъ Соборомъ. Послѣ этого Соборъ закрылся.

Не могу свидѣтельствовать, что новая конструкція Власти оживила дѣятельность Вѣдомствъ, во всякомъ случаѣ, за тотъ короткій срокъ, который просуществовала національная Власть послѣ Земскаго Собора, ничего, кромѣ путаницы, она не успѣла дать.

ПЕРЕДЪ НАЧАЛОМЪ ЭВАКУАЦІИ ЯПОНСКИХЪ ВОЙСКЪ

Первѣйшей заботой Правителя была подготовка Арміи къ ожидавшемуся, въ связи съ постепенной эвакуаціей японцевъ, нападенію красныхъ. Какъ было официально объявлено, они намѣревались осуществить эвакуацію въ три срока: 1) Спасскій районъ, 2) районъ Уссурійской дороги, исключая полуостровъ Муравьевъ-Амурскій, 3) районъ полуострова Муравьевъ-Амурскій и Владивостокъ.

Поэтому Правителемъ было рѣшено сконцентрировать всѣ силы къ трехугольнику Владивостокъ—Никольскъ—Спасскъ, усиливъ Спасское направленіе, подвергавшееся ударамъ въ первую очередь, сколько было возможно.

Нужно сказать, что согласно раннѣе сдѣланнымъ распоряженіямъ, Ольга была эвакуирована нами еще 26-го іюля и отрядъ генерала Ястребцова возвратился во Владивостокъ. Съ нимъ вер-

нулись и корабли, находившіеся при отрядѣ. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ сухопутныхъ силъ Земской Рати, въ отсутствіи отъ центра находилась только рота Егерей (60 чел.), бывшая въ составѣ экспедиціоннаго батальона въ распоряженіи капитана 1 ранга Фомина.

Въ видахъ реорганизаціи и перегруппировки армій, послѣдовалъ рядъ приказовъ Правителя.

При приказѣ объявлялась схема реорганизаціи арміи, согласно которой Земская Рать должна была состоять изъ четырехъ группъ: 1) Поволжская группа (рать), въ составъ ея входило три полка: Приволжскій, Прикамскій и Московскій, составлявшіеся изъ частей 3-го Корпуса. Командующимъ группой оставался генералъ-маіоръ Молчановъ. 2) Сибирская группа (рать): въ составъ этой группы входили два полка — Восточно-Сибирскій и Западно-Сибирскій, составленные изъ бывшихъ частей 2-го Корпуса. Командующій группой — генералъ-маіоръ Смолинъ. 3) Сибирская Казачья группа (рать): въ составъ ея входили части укомплектованные Оренбургскими, Уральскими, Сибирскими, Енисейскими и частью Забайкальскими казаками. Командующій группой — генералъ-маіоръ Бородинъ. 4) Дальневосточная Казачья группа (рать): состоявшая изъ частей, укомплектованныхъ Забайкальскими, Амурскими и Уссурійскими казаками. Ядро этой группы составляли части прежней Гродековской (Семеновской) группы. Командующимъ группой былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Глѣбовъ. Къ каждой изъ четырехъ группъ была придана артиллерія.

Командующіе группами сохранили права командировъ корпусовъ, командирамъ полковъ были предоставлены права начальниковъ дивизій.

Приказъ этотъ долженъ былъ проводиться въ жизнь постепенно, но въ результатѣ онъ коснулся только высшихъ соединеній и сокращенія хозяйственныхъ частей. Части же, состоявшія въ прежнихъ корпусахъ, сохранили наименованіе и организацію. Такимъ образомъ, на лицо оставалось около 40 отдѣльныхъ частей съ ихъ штабами и вмѣсто 3-хъ Корпусовъ стало 4. Общее количество бойцовъ въ рати исчислялось генераломъ Дитерихсомъ около 10.000 человѣкъ, но на самомъ дѣлѣ было нѣсколько меньше.

Приказъ отъ 9-го августа No. 1110, являющійся основной директивой всѣмъ вооруженнымъ силамъ привожу полностью.

КОПІЯ — ВЕСЬМА СЕКРЕТНО.

Генералу Молчанову, Генералу Бордзиловскому, Генералу Бородину, Генералу Глѣбову, Начальнику Снабженій, Начвосо и Инспектору Артиллеріи, Командующему Сибирской Флотиліей.

Эвакуація Спасска японцами начнется въ концѣ августа. Къ этому времени всѣмъ силамъ Земской Рати занять исходное

оперативное положеніе для активнаго обезпеченія района Приамурскаго Края отъ вторженія въ его предѣлы съ сѣвера и востока силъ Д. В. Республики. Для ч-е-г-о:

1). Генералу Молчанову, въ составѣ силъ опредѣленныхъ моимъ приказомъ № 137/А, прикрыть главное направленіе Спасскъ — Никольскъ, обезпечивая свой правый флангъ до долины рѣки Даубихе. Спасскъ долженъ оставаться за нами, но выдвиженіе главныхъ силъ къ сѣверу отъ Спасска возможно только по эвакуаціи изъ него японскихъ войскъ.

2). Генералу Смолину, въ составѣ силъ, опредѣленныхъ моимъ приказомъ № 137/А, очистить районъ озера Ханки отъ красныхъ. Обезпечивая свой лѣвый флангъ у Камня - Рыбаловскаго, главныя силы сосредоточить въ районѣ станція Мучная - Вознесенское. Штабъ — Гродеково.

3). Генералу Глѣбову, вступить въ командованіе группой, опредѣленной приказомъ № 137/А, прикрыть районъ операціи на фронтѣ Кондратенково - Ново - Хатуничи - Сучанъ - Владиміро - Александровское. Штабъ — Раздольное. Смѣну частей, нынѣ находящихся въ Кневичахъ, Сучанѣ и Владимірѣ - Александровскѣ начать немедля.

4). Генералу Бородину оказать содѣйствіе конницей ген. Смолину, сосредоточивъ главныя силы въ районѣ Монастырище — Тарасовка. Штабъ — Никольскъ.

5). Всѣмъ указаннымъ группировкамъ выдѣлить немедленно въ распоряженіе генерала Молчанова партизанскіе отряды, которые теперь же выдвинуть въ нейтральную зону къ сѣверу отъ Спасска. Главная задача партизанъ: агитація среди красныхъ партизанъ и войскъ и пропаганда среди населенія въ пользу Приамурскаго Края; захватъ Штабовъ и главныхъ совѣтскихъ дѣятелей. Для облегченія партизанскихъ дѣйствій, въ распоряженіе генерала Молчанова назначаю генерала Савельева.

6). Необходимо перевозки выполнить по соглашенію съ Начвосо и Командующимъ Сибирской Флотиліей.

Требую отъ всѣхъ войскъ Земской Рати гуманнаго и братскаго отношенія къ населенію.

9 августа 1922 г. Владивостокъ, № 1110/оп.

П. П. Воевода Земской Рати,
Генералъ-лейтенантъ ДИТЕРИХСЪ.

Въ этомъ приказѣ обращаетъ на себя вниманіе новая идея — формированіе бѣлыхъ партизанскихъ отрядовъ. Эта идея, очень хорошая по существу, не имѣла успѣха. Единственный партизанскій отрядъ генералъ-лейтенанта Савельева формировался до конца Приморья, гдѣ-то на Свѣтланской улицѣ во Владивостокѣ и эвакуировался вмѣстѣ со всѣми частями, чѣмъ доказалъ свою полную непригодность для партизанскихъ дѣйствій. Про личный

составъ этого отряда за время его пребыванія на корабляхъ не могу сказать ничего хорошаго.

Директива No 1123/оп. отъ 12 августа вносила незначительныя измѣненія въ расположеніе частей и окончательно фиксировала даты сосредоточенія и задачи группъ.

Однако, указанныхъ въ директивахъ задачъ армія цѣликомъ исполнить не могла. Дальневосточная казачья группа, расположенная на нашемъ правомъ флангѣ, не могла удержать районъ, занимавшійся ранѣе частями 3-го Корпуса, поэтому Правителемъ было приказано эвакуировать районъ Владиміро-Александровское. Вслѣдствіе этого побережье всѣхъ бухтъ залива Петра Великаго, къ востоку отъ Владивостока, оказалось въ рукахъ красныхъ, что не замедлило отразиться появленіемъ мелкихъ бандъ, начавшихъ тревожить окрестности Владивостока со стороны побережья Уссурійскаго залива.

Остальныя задачи, поставленныя группамъ, были выполнены, причемъ группа генерала Молчанова сосредоточилась въ Спасскомъ районѣ, а группа Смолина выполнила рядъ удачныхъ операцій по очисткѣ отъ красныхъ района, прилегавшаго къ озеру Ханка. До начала эвакуаціи японцевъ положеніе оставалось безъ перемѣнъ.

За этотъ періодъ, дѣятельность Флотиліи носила очень оживленный характеръ.

Экспедиціонный отрядъ подъ командованіемъ кап. 1 р. Фомина, вышедшій изъ Владивостока 10 іюля, находился на побережьи, осуществляя порученныя ему задачи.

Въ самомъ началѣ похода операція проходила неудачно. Отрядъ задержался на нѣсколько дней вслѣдствіе посадки на мель к/л. „Батарея“ въ густомъ туманѣ у маяка Низменнаго. Всп. кр. „Лейтенантъ Дыдымовъ“ былъ посланъ во Владивостокъ съ донесеніемъ о посадкѣ „Батареи“.

Въ ночь на 24-е іюля „Батарею“ сняли съ мели и отрядъ изъ трехъ кораблей („Батарея“, „Охотскъ“, „Илья Муромецъ“) продолжалъ операцію.

25 іюля утромъ дессантъ былъ высаженъ въ бухтѣ Агобе, къ сѣверу отъ Тетюхэ и послѣ короткой стычки занялъ этотъ пунктъ. Красные отступили, но почти безъ потерь. Ввиду происходившей уже эвакуаціи Ольги, Начальникъ Отряда не счелъ возможнымъ развивать операцію вглубь страны, т. к. это, при малочисленности отряда, означало бы, въ лучшемъ случаѣ, повтореніе Ольгинскаго сидѣнія.

Онъ рѣшилъ оставить временно безъ вниманія совершенно бездоходный районъ Ольга - Тетюхэ, и, пользуясь сильной сто-

роной своего отряда — способностью быстро передвигаться на корабляхъ — лишить партизанъ ихъ матеріальной базы — побережья Татарскаго залива. Въ случаѣ, если красные рѣшили оторваться отъ своего центра, Ольга — Тетюхэ и направиться пѣшкомъ на сѣверъ, Начальникъ Отряда разсчитывалъ, что при бездорожьи и огромныхъ пространствахъ, они не успѣли бы подойти къ крайнему южному пункту района лѣсныхъ концессій (бухта Терней) раннѣе трехъ недѣль, за каковой срокъ онъ полагалъ возможнымъ не только закончить операцію закрѣпленія за собой всего побережья до Императорской Гавани включительно, но и успѣть вернуться къ Тернею для встрѣчи красныхъ. Дальнѣйшій ходъ операцій вполнѣ оправдалъ эти соображенія. 27-го іюля, принявъ съ берега дессантъ, въ полночь отрядъ вышелъ на сѣверъ.

За время стоянки въ Тетюхэ, к./л. „Батарея", давшая сильную течь, очевидно вслѣдствіе недавней посадки на мель, была замѣнена к./л. „Улиссъ" изъ Ольгинскаго отряда кораблей.

Въ тотъ же день, въ 7 ч. утра, отрядъ занялъ бухту и селеніе Терней; красная милиція бѣжала. На рейдѣ оказалось нѣсколько японскихъ пароходовъ, грузившихся лѣсомъ, а на берегу шла энергичная работа по порубкѣ и сплаву лѣса. Японцы, учитывая опытъ съ „Лейт. Дыдымовымъ", не отказывались отъ уплаты налоговъ. Ввиду того, что правительственные сборы за предстоящій сезонъ ожидались въ размѣрѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ іенъ, Начальникъ Отряда распорядился оставить въ Тернеѣ гарнизонъ въ 50 человѣкъ, поставивъ ему задачу охранять районъ японскихъ концессій отъ красныхъ и не дать отрядамъ района Тетюхэ просачиваться къ сѣверу отъ Тернея.

Въ Тернеѣ оказался единственный оставшійся въ распоряженіи красныхъ, катеръ „Рында", который и былъ захваченъ нашимъ отрядомъ. Предполагалось идти дальше тремя кораблями, оставивъ „Рынду" въ распоряженіи гарнизона.

Выполнивъ развѣдку ближайшаго къ бухтѣ Терней района, отрядъ приготовился къ выходу, но разразившійся нордъ-остовый штормъ и аварія катера „Рында" задержали отрядъ и заставили Начальника Отряда оставить въ б. Терней еще и к/л. „Улиссъ".

30-го іюля Начальникъ Отряда съ „Ильей Муромцемъ" и „Охотскомъ" вышелъ въ Императорскую Гавань, занятую, по имѣющимся свѣдѣніямъ, краснымъ партизанскимъ отрядомъ въ нѣсколько десятковъ человѣкъ.

На разсвѣтѣ 2-го августа база партизанъ въ Императорской Гавани была взята высаженнымъ дессантомъ, причемъ партизаны, предупрежденные о подходѣ судовъ по телефону съ входного маяка, бѣжали, бросивъ свои семьи и имущество.

Закрѣпивъ за собой Императорскую Гавань, Начальникъ Отряда на „Ильѣ Муромцѣ“ вышелъ въ обходъ побережья къ сѣверу и къ югу отъ Императорской Гавани. На это потребовалось восемь дней. „Охотскъ“ былъ отправленъ на о. Сахалинъ для пріобрѣтенія 150 тоннъ угля, который, на этотъ разъ, покупался уже на деньги, полученныя отрядомъ отъ первыхъ правительственныхъ сборовъ на побережьѣ.

Приведя въ порядокъ сѣверный районъ, задержавъ около десяти японскихъ пароходовъ-хищниковъ съ лѣсомъ и два незаконныхъ крабовыхъ завода, введя работу чиновниковъ, раннѣе подчиненныхъ партизанамъ, въ нормальное русло, отрядъ пошелъ на югъ, по дорогѣ высаживаясь и осматривая важнѣйшіе пункты побережья для выясненія общей картины красной организаціи и дабы дать возможность слѣдовавшимъ при отрядѣ чиновникамъ лѣсного и рыболовнаго вѣдомства получить всѣ необходимыя для нихъ свѣдѣнія.

Во многихъ мѣстахъ были обнаружены различнаго рода незаконныя дѣйствія японскихъ промышленниковъ, причемъ иногда приходилось прибѣгать къ репрессіямъ, такъ напр., капитанъ одного японскаго парохода, отказавшійся заплатить штрафъ, былъ арестованъ и привезенъ на флагманскій корабль, а пароходъ съ посланной на него нашей командой, началъ сниматься съ якоря чтобы слѣдовать за отрядомъ. Только тогда у капитана нашлись средства, чтобы заплатить штрафъ. Вообще, японцы старались изыскивать всѣ способы, чтобы не заплатить штрафы и налоги, и всячески тянули время.

16 августа отрядъ прибылъ въ б. Терней, гдѣ соединился съ „Улиссомъ“ и „Лейт. Дыдымовымъ“, вернувшимся къ тому времени изъ Владивостока. Начальникомъ Отряда были получены свѣдѣнія, что партизаны въ Ольгѣ и Тетюхэ, убѣдившись, послѣ эвакуаціи Ольги, въ безопасности ихъ базы, выслали сильный отрядъ на сѣверъ и, что отрядъ этотъ подходитъ къ Джигиту. На другой день нашъ отрядъ высадился въ бухтѣ Джигитъ съ цѣлью атаковать красныхъ, но оказалось, что они уже прошли Джигитъ въ направленіи къ с. Терней. Ввиду того, что с. Терней могло быть легко обойдено красными и они прошли бы въ этомъ случаѣ къ сѣверу, гдѣ опять нарушили бы уже налаженный порядокъ, такъ какъ отрядъ имѣлъ приказаніе къ 20-му августа вернуться во Владивостокъ, Начальникъ отряда рѣшилъ перехватить красныхъ до того какъ они достигнутъ развѣтвленія дороги, хотя это и представляло значительныя неудобства по причинѣ отсутствія хорошихъ высадочныхъ мѣстъ на этомъ участкѣ побережья и массы прибрежныхъ камней, затруднявшихъ подходъ кораблей для поддержки дессанта артиллерійскимъ огнемъ.

Послѣдующее столкновеніе съ красными было неудачно для насъ. Нашъ дессантъ (около 80 чел.), столкнулся съ вдвое силь-

нѣйшимъ противникомъ и отступилъ къ береговой чертѣ, гдѣ подъ огнемъ противника, преслѣдовавшаго его, несмотря на стрѣльбу кораблей, былъ принятъ на гребныя суда. Въ этой стычкѣ былъ тяжело раненъ и взятъ въ плѣнъ красными начальникъ дессанта, капитанъ Егерьскаго полка, Шлихлингъ, убито трое солдатъ и нѣсколько ранено. Дессантъ и корабли вернулись въ Терней, куда черезъ нѣсколько часовъ прибылъ п./с. „Аяксъ", доставившій начальнику Отряда мое предписаніе, подтверждавшее требованіе отряду немедленно вернуться во Владивостокъ. Начальникъ Отряда предполагалъ выйти на слѣдующій день, давъ еще одинъ бой краснымъ, предварительно усиливъ береговыя части судовыми командами, но этому помѣшало неожиданное обстоятельство.

Въ 6 ч. вечера съ моря прибылъ японскій крейсеръ „Ниссинъ", командиръ котораго, черезъ посланнаго къ Начальнику Отряда офицера, передалъ, что онъ, командиръ „Ниссина" уполномоченъ японскимъ Правительствомъ найти отрядъ кап. 1 р. Фомина, разслѣдовать всѣ случаи конфискаціи имущества японскихъ рыбо и крабопромышленниковъ и случаи арестовъ пароходовъ и взять къ себѣ все арестованное русскими имущество. Заявивъ это, офицеръ передалъ Начальнику Отряда „приглашеніе„ командира „Ниссина" прибыть на крейсеръ. Начальникъ Отряда отказался, сказавшись больнымъ. Тогда ему было настойчиво нѣсколько разъ предложено все-таки сѣсть на японскій катеръ и слѣдовать на крейсеръ „во избѣжаніе очень плохихъ послѣдствій". Усматривая въ приглашеніи японцевъ намѣреніе держать его подъ арестомъ на крейсерѣ пока они будутъ хозяйничать на отрядѣ, Начальникъ Отряда рѣшительно отказался. Тогда японцы заявили, что на этотъ случай у нихъ есть приказаніе командира передать, что впредь до выполненія всѣхъ требованій японскаго правительства, ни одинъ изъ кораблей русскаго отряда не будетъ выпущенъ съ рейда Терней. На это онъ получилъ отвѣтъ, что русскій отрядъ находится въ русскихъ территоріальныхъ водахъ, внѣ зоны японской оккупаціи, что Начальникъ Отряда не подчиненъ японскому командиру и не намѣренъ считаться съ его приказаніями и запрещеніями и будетъ руководствоваться только приказаніями своего Командующаго Флотиліей, что приказаніе адмирала Старкъ полученное послѣ полудня содержитъ требованіе отряду вернуться во Владивостокъ, что Начальникъ Отряда и намѣренъ выполнить немедленно по готовности отряда. Далѣе, кап. 1 р. Фоминъ просилъ передать командиру крейсера, что русскій правительственный отрядъ находиться въ борьбѣ съ красными, подступившими къ Тернею, что ультиматумъ японскаго правительства, связывающій дѣйствія русскаго отряда, является кос-

веннымъ вмѣшательствомъ во внутренія дѣла русскихъ и что поэтому онъ возлагаетъ на японское правительство отвѣтственность за тѣ матерьяльные убытки, которые японскіе лѣсопромышленники, уплатившіе сборы русскому правительству, понесутъ, когда красные заставятъ ихъ уплатить тѣ же сборы вторично.

Японцы уѣхали къ себѣ.

Начальникъ Отряда распорядился немедленно снять дессантъ съ берега и, созвавъ командировъ, приказалъ имъ:

1). Немедленно прогрѣть машины и приготовиться къ съемкѣ съ якоря, разъяснивъ офицерамъ и командѣ создавшееся положеніе и необходимость поддержанія чести флага, не останавливаясь ни передъ чѣмъ.

2). Въ случаѣ приближенія шлюпокъ съ вооруженными японцами, сниматься и уходить, ни при какихъ обстоятельствахъ не открывая огня по японцамъ и, въ случаѣ открытія огня ими, быть готовымъ на все.

3). Въ дальнѣйшемъ, въ случаѣ потопленія кораблей, пробираться во Владивостокъ на своихъ шлюпкахъ или въ случаѣ гибели ихъ, пользуясь мѣстными крестьянскими лодками.

Для спасенія людей, шлюпокъ и оружія было разрѣшено кораблямъ, послѣ открытія огня „Ниссиномъ", выбрасываться на берегъ.

Черезъ нѣкоторое время на „Илью Муромецъ" (флагманскій корабль) прибыли тѣ же японскіе офицеры и въ очень вѣжливыхъ тонахъ передали отъ имени командира крейсера, что онъ очень сожалѣетъ, что Начальникъ Отряда нездоровъ, что командиръ очень желаетъ ему скорѣйшаго выздоровленія и зная, что русскіе корабли давно изъ Владивостока, онъ очень проситъ Начальника Отряда принять подарокъ (двѣ бутылки коньяку), каковой, если пить его съ чаемъ, очень хорошо помогаетъ отъ простуды. Послѣ долгаго обмѣна всякими любезными фразами, подарокъ былъ принятъ и тогда перешли къ дѣлу. Японцы заявили, что командиръ отлично понимаетъ всю трудность положенія, въ которомъ оказался Начальникъ Отряда, но что и онъ самъ въ безвыходномъ положеніи вслѣдствіе категорическаго приказанія его правительства. Что поэтому онъ проситъ составить согласительную комиссію, чтобы рѣшить дѣло миромъ. Далѣе они передали, что запрещеніе выхода кораблей съ рейда — недоразумѣніе, случившееся вслѣдствіе неточности перевода, что всѣ корабли свободны идти куда угодно и что японцы совершенно не имѣли ввиду вмѣшиваться во внутреннія русскія дѣла.

Наши представители — чиновники обоихъ вѣдомствъ и одинъ изъ командировъ судовъ — на вельботѣ съ „Муромца", отбыли на „Ниссинъ", гдѣ состоялось совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ

командира крейсера, капитана 1 ранга Мори. Въ дальнѣйшемъ было выработано, что вопросъ о дѣйствiяхъ японскихъ рыбопромышленниковъ, работавшихъ на основанiи разрѣшенiй, выданныхъ оффицiально японскимъ правительствомъ и объ арестѣ имущества въ цѣломъ подлежитъ разрѣшенiю путемъ соглашенiя между русскимъ правительствомъ *) во Владивостокѣ и японскимъ правительствомъ, что поэтому сейчасъ этотъ вопросъ остается открытымъ. Арестованное имущество, находящееся на военныхъ корабляхъ, ни осмотру, ни сдачѣ не подлежитъ (равно, какъ взысканные денежные штрафы), и будетъ доставлено русскими во Владивостокъ, гдѣ будетъ храниться до рѣшенiя дѣла между правительствами. Часть арестованнаго имущества, находившагося на тр. „Охотскъ“ (вольнонаемный капитанъ, личный составъ и флагъ не военный), будетъ передано въ распоряженiе командира „Ниссина“, чтобы, съ одной стороны, спасти его лицо передъ японскимъ правительствомъ и карьеру, какъ онъ говорилъ, съ другой же стороны, чтобы дать японцамъ обезпеченiе, что въ дальнѣйшемъ, при разрѣшенiи спора обѣ стороны будутъ въ равно благопрiятныхъ условiяхъ. Командиръ крейсера долженъ былъ выдать расписку въ прiемѣ имущества съ обязательствомъ хранить его до разсмотрѣнiя вопроса вышеуказаннымъ порядкомъ. Начальникъ Отряда не счелъ возможнымъ проявить еще большую неуступчивость, опасаясь испортить отношенiя нашего правительства съ японцами, отъ которыхъ такъ много зависѣло, и утвердилъ соглашенiе.

Все это затянулось до глубокой ночи, причемъ наши представители нѣсколько разъ возвращались къ Начальнику Отряда за инструкцiями.

Такимъ образомъ, время было потеряно, почва для дальнѣйшихъ дѣйствiй была поколеблена, люди устали; Начальнику Отряда не оставалось ничего другого, какъ возвращаться во Владивостокъ съ докладомъ о всемъ случившемся.

Въ 6 ч. утра 19-го августа, безъ всякаго предупрежденiя японцевъ, отрядъ, кромѣ „Охотска“, снялся съ якоря, причемъ „Улиссъ“, „Лейт. Дыдымовъ“ и „Рында“ съ ротой дессанта вышли на сѣверъ съ задачей поддерживать базу въ Императорской Гавани и заслонъ къ сѣверу отъ Тернея и, такимъ образомъ, сохранить въ нашихъ рукахъ весь районъ побережья до Амурскаго лимана.

Начальникъ Отряда съ „Ильей Муромцемъ“ и „Аяксомъ“ вышелъ во Владивостокъ, а „Охотскъ“ задержался на 1 часъ, чтобы выполнить соглашенiе съ японцами. Вся работа по выгрузкѣ и доставкѣ на крейсеръ была выполнена японской командой.

---

*) Вр. Приамурское правительство до этого времени усиленно, но безуспѣшно добивалось, чтобы японцы вступили съ нимъ въ переговоры по вопросу объ эксплоатацiи рыболовныхъ участковъ.

Командиръ „Ниссина“ выдалъ въ пріемѣ имущества требуемую соглашеніемъ расписку.

Каковы были дальнѣйшіе переговоры между генераломъ Дитерихсъ и японцами я не знаю, но черезъ нѣсколько дней я получилъ приказаніе временно прекратить репрессіи по отношенію къ японскимъ рыбопромышленникамъ, имѣющимъ разрѣшеніе на рыбную ловлю отъ японскаго правительства. Повидимому, генералъ Дитерихсъ придерживался другой точки зрѣнія, чѣмъ бывшее Приамурское Правительство, которое видѣло въ присвоеніи японскимъ правительствомъ правъ принадлежащихъ Русской Власти — опасный прецендентъ и предписывало поступать съ захватчиками по буквѣ закона, не считаясь съ нашей слабостью. Характерно, что этотъ инцидентъ нисколько не отозвался на отношеніе къ намъ японскихъ моряковъ.

20-го августа Начальникъ Отряда съ „Ильей Муромцемъ“, „Аяксомъ“ и „Охотскомъ“ вернулся во Владивостокъ. Черезъ нѣсколько дней вернулся и всп. кр. „Лейт. Дыдымовъ“.

Экспедиція, за неполный мѣсяцъ работы, доставила 80.000 іенъ въ кассу государства. Правитель разрѣшилъ мнѣ эти деньги и всѣ, какія будутъ получены съ побережья вновь, расходовать цѣликомъ на содержаніе флотиліи, сообщая министру финансовъ лишь количество полученныхъ суммъ и передавая ему и соотвѣтствующимъ вѣдомствамъ приходные документы, которые должны были сравниваться съ отчетами, доставляемыми соотвѣтствующими чиновниками съ мѣста.

На эти деньги и на тѣ, что получились потомъ, были срочно отремонтированы корабли, нуждавшіеся въ ремонтѣ, пополнено частично самое необходимое въ обмундированіи личнаго состава, выдавалось жалованіе личному составу, уходившему въ экспедиціи (всѣмъ платить все-таки не удавалось) и проч.

Всего такимъ образомъ черезъ кассу флотиліи прошло свыше 200.000 іенъ. Это обстоятельство сыграло впослѣдствіи почти рѣшающую роль, когда флотиліи пришлось готовиться къ эвакуаціи Владивостока.

Кромѣ того, японскими концессіонерами, опасавшимися отмѣны Правительствомъ выданныхъ имъ концессій, было внесено въ кассу министерства финансовъ во Владивостокѣ около полумилліона іенъ просроченныхъ платежей.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Н. А. Ра́гозинъ.

Подполковникъ Испанской Авіаціи,
бывлій старшій лейтенантъ (М. К .1911)

РУКА ПРОВИДѢНІЯ

Испанія, іюнь 1936 года. Республиканское правительство „народнаго фронта", все болѣе и болѣе уклоняясь въ лѣвую сторону, пригласило совѣтскаго представителя въ Мадридъ (Розенберга), немедленно же подчинившись всѣмъ его политическимъ директивамъ, абсолютно не обращая вниманія на всѣ „ультра-гуманныя" установленія президента республики — Алкала Замора, послѣдователя нашего „главноуговаривающаго". Людямъ съ революціоннымъ опытомъ, какъ напримѣръ, я, было совершенно ясно, куда катится страна, и какой катастрофой она кончитъ, особенно послѣ прочтенія всѣхъ инструкцій и приказовъ, какъ двѣ капли воды схожихъ со знаменитымъ „Приказомъ № 1" нашего злого генія, Александра Федоровича.

Съ самого начала революціи (1932), я началъ, (вѣрнѣе усилилъ) противореволюціонную пропаганду, которую велъ съ самого моего прибытія въ Испанію въ 1922 году, въ тѣхъ военныхъ частяхъ, которыя стояли близко отъ тогдашней моей дѣятельности, какъ напр. Авіація и Марокканскія войска, увидѣвъ сразу же, что народъ, или лучше — его патріотическій элементъ будетъ реагировать на всякую попытку иностраннаго вмѣшательства точно также, какъ реагировалъ 2-го мая 1808 года, поднявъ возстаніе противъ владычества Наполеона и изгнавъ изъ страны послѣдняго француза послѣ двухлѣтней войны, абсолютно схожей съ нашей Освободительной.

Теперь два слова отступленія отъ темы: какъ я попалъ въ Испанію? — Эвакуировался я, въ составѣ Черноморской Авіаціи изъ Севастополя, гдѣ командовалъ 2-мъ воздушнымъ отрядомъ (единственнымъ), на „Кронштадтѣ", будучи назначенъ вахтеннымъ начальникомъ, и, послѣ всѣмъ извѣстной одиссеи попалъ въ Бизерту, откуда былъ списанъ, „по своему желанію" въ санаторію (выговаривается — концентраціонный лагерь) въ Ain-Drabam'ѣ (Tunisie), съ полной невозможностью куда-нибудь выѣхать,

такъ какъ весь мой наличный капиталъ равнялся нулю, во всевозможныхъ валютахъ, и „на шеѣ" была жена и 4-хъ лѣтній сынъ, (сейчасъ лейтенантъ Испанской авіаціи). Черезъ пять мѣсяцевъ пребыванія въ этой „санаторіи", питаясь исключительно чечевицей, смогъ, наконецъ, получить мѣсто шофера грузовика въ „Monopole des Tabacs" въ Тучисѣ, гдѣ и проработалъ больше года на жалованіи 10, 40 франковъ въ день, изъ которыхъ 5 платилъ только за комнату въ ужасномъ отелѣ въ арабской части города, протекавшую какъ сито въ дожди. Понятно, что я не совсѣмъ былъ доволенъ моимъ „emploi" и написалъ 26 писемъ въ различныя страны съ предложеніемъ моихъ услугъ какъ одного изъ самыхъ старыхъ гидро-летчиковъ.

Страны я выбралъ самыя отдаленныя и захудалыя, начиная съ Китая, колоніи французскія и англійскія, Сіамъ, Индія, Бельгійское Конго и т. д., не получивъ ни одного отвѣта до сихъ поръ. Вдругъ, уже весной 1922 года, прочелъ въ газетѣ, которую покупалъ каждое воскресенье, за счетъ утренняго кофе, что Испаніи нужны морскіе летчики для ея войны въ Африкѣ. Занялъ у поручика по Адм. А. Е. Жукова на марку и въ тотъ же день отправилъ письмо Военному Министру Испаніи.

Черезъ двѣ недѣли былъ уже тамъ: какое путешествіе! Описать его подробно можно было бы только въ большомъ томѣ, а потому — опускаю.

Чтобы снова стать военнымъ летчикомъ, долженъ былъ записаться въ Иностранный Легіонъ какъ легіонеръ 2-ой статьи, но, даже не представившись туда, былъ зачисленъ въ военную авіацію, и послѣ „пробы" въ воздухѣ, въ тотъ же день былъ назначенъ инструкторомъ гидро съ жалованіемъ испанскаго капитана авіаціи (наконецъ-то, нашелъ порядочную страну!), но въ чинѣ, равномъ нашему матросу 2-ой статьи. Дальше — Африка, 5 лѣтъ войны, три производства за военныя заслуги, и ко времени революціи я былъ „уже" лейтенантомъ.

Какъ уже упомянулъ, съ началомъ ея усилилъ мою пропаганду, уснащенную фактами изъ нашей „великой, безкровной", и надѣюсь, что пріобрѣлъ многихъ сторонниковъ и пріобщилъ многихъ колебавшихся къ „правому дѣлу".

Въ эту эпоху, и будучи назначенъ на аэродромъ въ Laroche (Испанское Морокко), прибылъ въ Африку новый Намѣстникъ — генералъ Франко и увидѣвъ меня въ числѣ представлявшихся ему офицеровъ (что полагается по уставу), сошелъ со своего мѣста, обнялъ меня и сказалъ: „Очень радъ видѣть васъ здѣсь". Забылъ сказать, что онъ былъ начальникомъ Иностраннаго Легіона въ то время, когда его братъ, Рамонъ, командовалъ моимъ отрядомъ (1923 – 27).

Но революціонное правительство не осмѣлилось оставить генерала Франко близко отъ Мадрида, и черезъ короткое время онъ былъ переведенъ на должность Военнаго Губернатора на Канарскіе острова, въ 2 000 клм. отъ Испаніи. Но... что значитъ разстояніе въ нашъ вѣкъ?

Спичкой, зажегшей бикфордовъ шнуръ, послужило убійство въ Мадридѣ праваго лидера, Carlo Sotelo, и вопросъ о возстаніи рѣшился безповоротно. Оставалось назначитъ день и часъ.

Передача секретныхъ инструкцій изъ Канарскхъ острововъ начальнику туземныхъ войскъ, производившихъ въ то время маневры въ глубинѣ страны, была поручена мнѣ, и я сбрасывалъ пакеты съ аппарата на палатку штаба, не улетая до тѣхъ поръ, пока не видѣлъ, что пакетъ подобранъ. И вотъ, 17-го іюля, громъ грянулъ на погибель всей нечисти, заселявшей въ то время Испанію, но, къ ея же счастью, не рискнувшей переплыть проливъ, подозрѣвая, и съ большимъ основаніемъ, что климатъ Африки былъ бы для нея нѣсколько вреденъ.

Уже 19-го вечеромъ я перелетѣлъ въ Тетуанъ, гдѣ были сосредоточены „всѣ“ воздушныя силы новой бѣлой Испаніи, и въ тотъ же день представился Франко, прилетѣвшему утромъ съ Канарскихъ острововъ.

И началось! Началась кровопролитная война, продолжавшаяся цѣлыхъ три года, съ огромными потерями съ обѣихъ сторонъ. Намъ помогали, только технически, т. е. матеріалами и необходимымъ числомъ инструкторовъ, Германія и Италія, а краснымъ — весь міровой сбродъ въ лицѣ такъ называемыхъ „интернаціональныхъ бригадъ“, верховнымъ вождемъ коихъ былъ небезизвѣстный Andrè Marti, котораго, во главѣ его полковъ привѣтствовалъ поднятіемъ сжатаго кулака спеціально для этого пріѣхавшій Mr. Atlee.

Какъ въ каждой войнѣ, да и въ любой катастрофѣ широкаго масштаба, было зарегистрировано масса случаевъ, объясненіе которыхъ не подъ стать человѣческому уму, и которые могутъ зависѣть только отъ стеченія исключительнаго множества случайностей и обстоятельствъ, но въ которыхъ я лично вижу то, что можно назвать „Рука Провидѣнія“, когда „интеллигентный” человѣкъ не захочетъ употребить терминъ „Божья воля”.

Изъ огромнаго числа такихъ случайностей, разскажу три: двѣ первыхъ спасли мою собственную жизнь, а третья отверзла шире свою щедрую руку, спасши отъ вѣрной гибели сотни невинныхъ людей, но опять-таки выбравъ меня орудіемъ своего правосудія или, вѣрнѣе, не меня, а мою ошибку.

Постараюсь быть кратокъ, хотя, для освѣщенія общаго цѣлаго, не могу не остановиться на нѣкоторыхъ деталяхъ.

Главныя бѣлыя силы (испанцы назвали ихъ „синія") наши находились въ Африкѣ и также доминировали нѣкоторыя провинціи на сѣверѣ и на югѣ, но вся остальная территорія была во власти красныхъ, включая самые большіе и индустріальные города: — Мадридъ, Барселону, Валенсію, а также и морскую базу въ Картахенѣ. Какъ переправить въ Испанію марокканскіе войска? Всѣ наши морскія силы исчерпывались однимъ „номернымъ" миноносцемъ, стоявшимъ, въ Сеутѣ, на который можно было-бы погрузить роты двѣ, но . . . въ проливѣ между Сеутой и Алхесирасомъ крейсировалъ красный истребитель „Libertad", дѣлавшій невозможной всякую попытку перехода. И вотъ, на военномъ совѣтѣ, на коемъ имѣлъ честь присутствовать я, было рѣшено: пытаться уничтожить или повредить „Libertad" воздушными силами, а пока — перевозить войска воздухомъ, на нашихъ двухъ старинныхъ „Фоккерахъ" и на начинавшихъ прилетать въ Тетуанъ нѣмецкихъ „Юнкерсахъ". Но надо было торопиться, такъ какъ весь красный флотъ выходилъ уже изъ Картахены румбомъ на Гибралтарскій проливъ.

Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, параллельно съ перевозкой войскъ, мы вылетали на одномоторныхъ „Breguet XIX" въ проливъ, съ цѣлью повредить или заставить уйти „Libertad", что являлось „покушеніемъ съ негодными средствами", т. к. аппаратъ поднималъ только 20 — 11-ти килограммовыхъ бомбъ, и даже въ случаѣ прямого накрытія одной изъ нихъ, впечатлѣніе было бы какъ отъ укуса блохи. Къ тому же, было всего три или четыре аппарата, пригодныхъ къ полету. Летчиковъ было много больше чѣмъ наблюдателей, такъ что, въ большинствѣ случаевъ, летали летчиками унтеръ-офицеры, а мы — наблюдателями. Мнѣ выпалъ на долю нѣкто сержантъ Уртуби, хорошій летчикъ, но на политическія убѣжденія котораго я никакъ не надѣялся, предполагая, что онъ съ нашей стороны только „географически" и что его идеалы совсѣмъ другого цвѣта. На всякій случай, влѣзая въ аппаратъ, я громко спрашивалъ механика, не забылъ ли онъ приспособить рукоятку второго управленія, и держалъ на виду мой огромный Маузеръ (мѣсто летчика было спереди, наблюдателя — сзади). Въ первый же полетъ, сбросивъ, конечно неудачно, но близко, мои бомбы, мы возвращались на нашъ аэродромъ чтобы снова погрузиться, и такъ какъ по дорогѣ находилось расположеніе Иностраннаго Легіона, я рѣшилъ, какъ дѣлалъ всегда раньше, привѣтствовать моихъ „однокашниковъ" нѣсколькими пролетами на уровнѣ крышъ, что всегда вызывало на центральный дворъ „весь Легіонъ", который, въ свою очередь, отвѣчалъ мнѣ бросаніемъ фуражекъ въ воздухъ и привѣтственными жестами. Какого же было мое удивленіе, когда, на этотъ разъ, я не увидѣлъ **н-и-к-о-г-о** на плацу! Приказалъ летчику дать второй

кругъ и всталъ съ сидѣнія, вывѣсившись за бортъ, чтобы лучше разсмотрѣть панораму и постараться угадать причину такой „невѣжливости“. Опять никого! Тогда я, обидѣвшись, приказалъ Уртуби летѣть на аэродромъ, который находился въ 4-5 минутахъ полета. По посадкѣ, приказавъ грузить бензинъ и бомбы, чтобы немедленно же вылетать опять, я отправился съ докладомъ къ Начальнику Аэродрома, послѣ чего прошелъ въ баръ „подкрѣпиться„. Не успѣлъ я еще перекинуться парой словъ съ пріятелями, какъ вбѣгаетъ Уртуби и заикаясь докладываетъ мнѣ: - „ Г-нъ лейтенантъ, въ аппаратѣ 18 пробоинъ, одна въ винтѣ, двѣ въ радіаторѣ, а остальныя въ Вашемъ сидѣніи, черезъ которое прошла, повиди ому, вся очередь пулемета!“. Вотъ и отвѣтъ на мое привѣтствіе! Меня приняли за краснаго, и не встань я въ тотъ моментъ, сталъ бы похожъ на ситечко!

Пока паяли радіаторъ и мѣняли винтъ, успѣлъ сдѣлать пару полетовъ въ Хересъ (тоже былъ нашъ) съ маврами на старомъ трехмоторномъ Фоккерѣ, на которомъ никогда не леталъ до этого, но, повидимому, продѣлалъ все хорошо, такъ какъ заслужилъ отъ мавровъ лучшій, по ихъ мнѣнію, комплиментъ: - „лучше чѣмъ въ автобусѣ!“

Вернувшись изъ послѣдняго полета, получилъ приказаніе немедленно выѣзжать въ Laroche, чтобы принять командованіе аэродромомъ, и смогъ вернуться только черезъ недѣлю. Летчикъ, прилетѣвшій меня смѣнить, сообщилъ мнѣ, что въ Тетуанъ прилетѣли итальянскіе тримоторы „Savoia“ и что я назначенъ на одинъ изъ нихъ, а „заодно“ разсказалъ мнѣ слѣдующее: на другой же день послѣ моего отъѣзда, мой аппаратъ будучи готовъ, на него былъ назначенъ, какъ наблюдатель, одинъ лейтенантъ, молодой человѣкъ, прошедшій курсъ пару лѣтъ тому назадъ, но потомъ откомандированный въ свою часть (кавалерію) и уже ничего общаго съ авіацией не имѣвшій. И въ первый же полетъ съ Уртуби, когда онъ былъ занятъ подготовкой бомбардированія, свѣсившись за бортъ и смотря въ прицѣлъ, летчикъ, видѣвшій его позу въ зеркало, обернулся и выстрѣломъ въ голову убилъ несчастного, послѣ чего взялъ румбъ на Мадридъ, гдѣ и сѣлъ, будучи немедленно произведенъ въ лейтенанты. Итакъ, въ теченіи какой-нибудь недѣли, Провидѣніе спасло меня второй разъ, такъ какъ не будь я назначенъ совершенно неожиданно въ Laroche, наблюдателемъ съ Уртуби полетѣлъ бы я, и такъ какъ тоже долженъ былъ бы свѣшиваться за бортъ чтобы смотрѣть въ прицѣлъ, мои бренныя останки совершили бы посмертный полетъ въ Мадридъ.

Черезъ недѣлю пробныхъ полетовъ на „Savoia“, каждый разъ сопряженныхъ съ развѣдками или бомбардировками, я вылетѣлъ, въ составѣ Итальянской группы, въ Севилью, гдѣ съ того

же дня принималъ участіе во всѣхъ налетахъ на красную территорію, начинавшуюся всего въ 20-25 клм. отъ Севильи, да и это пространство было сплошь „niemands land“, гдѣ вынужденная посадка могла бы оказаться „скучной исторіей“.

Въ одинъ прекрасный день сентября 1936 года я получилъ приказаніе летѣть наблюдателемъ на другой „Savoia“, такъ какъ на моей мѣняли моторъ; цѣль полета — бомбардировка Ронда — городъ приблизительно въ ста килом. отъ Севильи, къ которому уже подходили наши войска, прося содѣйствія авіаціи. Заданіе совершенно ясное и точное: приблизительно въ 2-хъ клм. къ N отъ города, въ большомъ зданіи казарменнаго типа, засѣли красные защитники, а самъ городъ былъ окруженъ проводами тока высокаго напряженія. Половина бомбъ — въ загражденіе, другая — въ казарму. Никакихъ сомнѣній! Но... „человѣкъ предполагаетъ...“

Подлетѣвши къ Рондѣ на высотѣ 1 000 метровъ, я, сразу же, замѣтивъ казарму и предположивъ возможное мѣсто загражденій, указалъ летчику румбъ боевого прохода и спустился внизъ, въ наблюдательную кабину, въ которой находился прицѣлъ и все управленіе бомбометными приборами. Послѣ виража летчикъ взялъ указанный мною румбъ и пошелъ на цѣль, корректируемый мною изъ моей „бесѣдки“. Вотъ и Ронда появилась въ прицѣлѣ. Вдалекѣ, разрывы противоаэропланныхъ снарядовъ. Рука на рукояткѣ сбрасывателя, одно движеніе которой сброситъ на обреченный пунктъ 16 стокилограммовыхъ бомбъ.

Моментъ насталъ, и половина смертельнаго груза полетѣла внизъ. Черезъ полторы минуты вторая половина бомбъ сброшена, и въ тотъ же моментъ я увидѣлъ взрывъ первой партіи — въ центрѣ города. О, ужасъ! Сколько несчастныхъ я загубилъ, смотрѣвшихъ на авіонъ какъ на избавителя, а не какъ на палача! Едва успѣла промелькнуть эта мысль, какъ вторые 800 кг. тринита застлали своимъ взрывомъ все пространство между городомъ и казармой, оставивъ эту послѣднюю цѣлехонькой! О, стыдъ! О, наблюдатель!

Я вылѣзъ изъ своей кабины и, не смотря ни на кого, пробрался на пулеметное мѣсто, на случай появленія красныхъ истребителей. Въ тотъ полетъ ихъ не встрѣтили и сѣли благополучно въ Севильѣ. На докладѣ начальнику группы я доложилъ честно о моемъ промахѣ, получилъ въ отвѣтъ: „неважно, авось слѣдующій разъ...“ Случай былъ такой, что необходимо было зайти въ баръ, чтобы несколько разогнать тоску и отвращеніе къ самому себѣ, которое меня обуяло еще въ обратномъ полетѣ. Ну и русскій старлейтъ! Отличился, можно сказать! Въ окно я видѣлъ автомобиль, на которомъ съѣзжалъ отрядъ въ городъ, и такъ какъ жилъ въ эту эпоху на аэродромѣ, пошелъ обѣдать въ собраніе. Послѣ обѣда спустился опять въ баръ, съ цѣлью

не оставить безъ вниманія щедрый даръ лучшихъ испанскихъ фирмъ, снабжавшихъ аэродромъ въ неограниченномъ количествѣ продуктами своего производства. Не знаю, сколько времени пробылъ тамъ, такъ какъ въ это время „надирали" въ барѣ лейтенанта Бермудецъ-де-Кастро, часъ тому назадъ сбившаго красный самолетъ, и, конечно, я присоединился къ чествованію, тѣмъ болѣе что Бермудецъ былъ мой хорошій пріятель.

Вдругъ вижу входитъ въ баръ мой Начальникъ Отряда, бывшій летчикомъ въ утреннемъ полетѣ, о чемъ-то оживленно бесѣдовавшій со своими спутниками — летчиками моего же отряда! Какъ мнѣ показалось, на его всегда добродушномъ лицѣ была ироническая улыбка, когда онъ справлялся обо мнѣ. Я словчился нырнуть въ мою каюту, почти смежную съ баромъ, прячась за спины осаждавшихъ стойку, и завалился въ койку какъ былъ, въ полетномъ комбинезонѣ. Только что принялъ видъ спящаго, какъ услышалъ приближающіеся шаги, дверь пріоткрылась, и голосъ начальника отряда, сразу понизившійся до шепота, увидѣвъ что я „сплю", говоритъ кому-то: „Спитъ, ну и пусть! Хорошо заработалъ сонъ этотъ проклятый русскій! Но откуда онъ узналъ?" Дверь затворилась и шаги начали удаляться, не давши мнѣ времени узнать, что „я узналъ", но ультрадружественный тонъ начальника (названіе „проклятый" означаетъ у испанцевъ удивленное восхищеніе) далъ мнѣ понять, что случилось что-то неожиданное и, во всякомъ случаѣ, не плохое.

Хотѣлъ прислушаться къ словамъ уходившихъ, но ревъ двухсотъ молодыхъ глотокъ у стойки бара заглушалъ все. Было уже не до сна, и я началъ спокойно разбирать причину моего плохого прицѣла и нашелъ ее почти сразу: Ронда была расположена на 400 метровъ выше Севильи, такъ что мои бомбы „нашли землю" раньше чѣмъ я расчиталъ впопыхахъ, въ послѣдній моментъ, не отдавши себѣ отчета въ этой разницѣ высотъ! А вѣдь какъ здорово я рѣшалъ всѣ „душегубки" Вагнера и Шейковскаго! Утѣшилъ себя тѣмъ, что... „и на старуху..."

Не знаю, задремалъ я или нѣтъ, но когда выглянулъ въ окно, увидѣлъ что огни уже зажжены, поспѣшно всталъ и пошелъ узнать нужны ли еще мои услуги на сегодняшній день. Оказалось, что нѣтъ, и я рѣшилъ съѣхать въ городъ. Черезъ 10 минутъ я уже гулялъ по центру Севильи, не намѣтивъ себѣ плана времяпровожденія. Вдругъ, кто-то ударилъ меня по спинѣ, и я, оглянувшись, увидѣлъ одного изъ летчиковъ моего отряда, который опять повторилъ загадочную фразу: — „проклятый русскій, откуда ты узналъ?" — Не успѣлъ я придумать что ему отвѣтить, какъ онъ продолжалъ полнымъ голосомъ и съ громаднымъ энтузіазмомъ: — „ты знаешь, что послѣ обѣда была взята Ронда? И съ первымъ же автомобилемъ пріѣхала сюда моя сестра, находившаяся тамъ подъ властью красныхъ, и семья X?

Всѣ они здѣсь напротивъ, въ томъ барѣ, и отправили меня искать тебя, чтобы привѣтствовать лично главнаго участника своего освобожденія. Надѣюсь ты не откажешься выпить съ нами по такому радостному поводу? Проклятый русскій! какъ всетаки ты узналъ?".

Я началъ было отпихиваться, боясь что встрѣча съ семьей, только, что пріѣхавшей изъ Ронды, не ограничится только дружественнымъ эпитетомъ, но будутъ пущены въ ходъ болѣе вѣскіе „знаки благодарности". Но мы были уже около столика, изъ за котораго сразу поднялись 2 - 3 дамы и столько же мужчинъ которые одновременно набросились на меня, обнимая, колотя по' спинѣ (испанское привѣтствіе) и крича всѣ, наперерывъ, что я ихъ: спаситель, бичъ красныхъ, и не знаю еще что. Послѣ этого взрыва воодушевленія, всѣ мы усѣлись передъ подносомъ съ длинными стаканчиками андалузскаго вина, и я, на всякій случай, принялъ выжидательное положеніе, ограничиваясь поздравленіями избѣгнувшихъ краснаго владычества и возхваляя мужество войскъ, взявшихъ Ронду.

Каково же было мое изумленіе, когда всѣ присутствовавшіе, въ одинъ голосъ, заявили, что такое быстрое взятіе города стало возможнымъ только благодаря м-н-ѣ!

И на мой обалдѣлый видъ послѣдовало такое разъясненіе, уснащенное фразами вродѣ: „ну и прицѣлъ!", „ну и меткость!" и т. п. Оказалось что первыя бомбы, упавшія внутри города, разрушили до основанія 4-хъ этажный домъ, въ которомъ въ тотъ моментъ было засѣданіе революціоннаго комитета защиты города и отъ котораго, конечно, не осталось и воспоминанія, а вторыя перервали всю сложную систему электрическаго загражденія. И что всѣ присутствующіе, въ компаніи еще нѣсколькихъ сотъ „бѣлыхъ", были сконцентрированы какъ разъ въ тѣхъ самыхъ казармахъ, которые я бы взорвалъ, если бы Провидѣніе не затемнило мой умъ въ моментъ расчета, заставивъ меня забыть принять во вниманіе поправку на разницу высотъ! Изъ скромности я не противорѣчилъ, и „дружеская бесѣда затянулось далеко за полночь".

Тутъ я понялъ значеніе фразы „откуда ты зналъ?" и . . . многое другое.

ГЕРОЙСКАЯ ГИБЕЛЬ КАПИТАНА ИСПАНСКОЙ АВІАЦІИ, БЫВШАГО СТАРШАГО ЛЕЙТЕНАНТА, *ВСЕВОЛОДА МИХАЙЛОВИЧА* МАРЧЕНКО.

В. М. Марченко прибылъ въ Испанію приблизительно на годъ позже меня (1923) и, пробывъ около года инструкторомъ гидро въ той же школѣ гдѣ былъ и я, до моего отлета на Африканскій фронтъ, устроился, тоже инструкторомъ, въ частную школу авіаціи, а черезъ нѣсколько лѣтъ перешелъ летчикомъ на испанскія воздушныя линіи, гдѣ и пролеталъ вплоть до большевистской революціи 1936 года, когда ему удалось, съ помощью одного изъ иностранныхъ посольствъ, перебраться заграницу, откуда онъ немедленно, и за свой счетъ, пріѣхалъ въ Національную зону и вступилъ въ ряды военной авіаціи съ чиномъ поручика запаса. Трудно описать его разнообразную дѣятельность на всѣхъ фронтахъ: какъ исключительнаго летчика, его назначали на всѣ мѣста, гдѣ была необходимость въ его огромной практикѣ и искусствѣ.

Въ концѣ 36 года я первый разъ за время войны увидѣлся съ нимъ, когда былъ срочно вызванъ въ Avil'у для очередного допроса плѣнныхъ совѣтскихъ летчиковъ, и нѣкоторое время спустя онъ былъ въ Avil'ѣ же, для участія въ аэро-снабженіи монастыря, вблизи Audujar (въ 200 клм. отъ фронта), въ которомъ защищалась съ самого начала войны, группа военныхъ, монаховъ женщинъ и дѣтей, со всѣхъ сторонъ окруженныхъ красными.

Задача была одна изъ самыхъ трудныхъ: монастырь былъ расположенъ въ котловинѣ діаметромъ не болѣе 2-хъ километровъ, и всѣ подступы къ нему были защищены противоаэропланными орудіями и пулеметами. Для вѣрности попаданія въ монастырь пакетовъ съ провизіей и боевымъ снаряженіемъ, надо было летать на минимальной высотѣ, много ниже тѣхъ возвышенностей гдѣ была установлена красная защита. Не попавшій во дворъ монастыря пакетъ можно было считать пропавшимъ, такъ какъ выйти за нимъ за стѣны было совершенно невозможно.

И вотъ, на этой адской работѣ, В. М. пробылъ до самого трагическаго конца эпопеи, когда монастырь былъ, наконецъ, взятъ красными и всѣ его защитники, вмѣстѣ съ семьями, были звѣрски вырѣзаны.

Не рѣдки были дни, когда Марченко вылеталъ по 2-3 раза въ сутки, большей частью ночью, такъ что несмотря на то, что мы жили въ одномъ городѣ, мы никакъ не могли увидѣться, такъ какъ я кончалъ мою работу, когда онъ начиналъ свою, и наобо-

ротъ. Въ это время было мало испанскихъ летчиковъ, умѣвшихъ летать ночью, и поэтому Марченко приходилось чередоваться только съ однимъ изъ нихъ, капитаномъ Наyа, всемiрно извѣстнымъ благодаря побитiю нѣсколькихъ мiровыхъ рекордовъ еще до революцiи 1932 года, такъ что работа была крайне изнурительна, даже оставивъ въ сторонѣ ея огромный военный рискъ.

Подчиненный персоналъ, т. е. пулеметчики, бомбометатели, радiо и механики могли чередоваться нѣсколько чаще, но и ихъ работа была чрезвычайно тяжела, такъ какъ по прилетѣ на аэродромъ они должны были грузить бензинъ, патроны, пакеты, просматривать моторы и пулеметы и т. д. Бомбометатели, т. е. въ этомъ частномъ случаѣ, сбрасыватели пакетовъ, летали и съ Марченко, и съ Наyа, а мой сынъ Александръ до тѣхъ поръ, пока въ одномъ изъ этихъ полетовъ онъ не былъ раненъ въ ногу и не смогъ летать уже до трагическаго конца предпрiятiя.

По милованiи необходимости снабженiя, Марченко былъ переведенъ на Сарагосскiй фронтъ, одинъ изъ самыхъ опасныхъ въ то время, такъ какъ тамъ была сконцентрирована главная масса совѣтской авiацiи. И опять В. М. былъ въ отрядѣ капитана Наyа, и главной его дѣятельностью были ночныя бомбардировки красныхъ аэродромовъ. Въ наше послѣднее свиданiе съ нимъ, я былъ пораженъ видомъ страшной усталости не только его лица, но отпечатывавшейся по всей его фигурѣ, и въ тотъ же день написалъ Начальнику Авiацiи, прося перевести В. М., хотя бы временно, въ Школу Наблюдателей, зная, что Марченко раньше умретъ, чемъ попросится въ тылъ. Отвѣтъ пришелъ, и положительный, но раньше пришло трагическое извѣстiе о гибели Всеволода Михайловича. Въ тотъ же день я перелетѣлъ на аэродромъ Сарагоссы и узналъ подробности отъ капитана Наyа, моего давнишняго прiятеля, который передалъ мнѣ донесенiе механика Марченко, чудомъ спасшегося и достигшаго нашихъ линiй послѣ 4-хъ дневнаго скитанiя по красной зонѣ.

Вотъ что онъ разсказалъ:

При первомъ пролетѣ надъ аэродромомъ были сброшены освѣтительныя ракеты, и, увидѣвъ ангары и стоявшiе на полѣ самолеты, Марченко началъ боевые пролеты, сбросивъ на первыхъ двухъ двѣ трети бомбъ и собираясь летѣть въ четвертый разъ надъ цѣлью, чтобы сбросить послѣднiя. Въ это время показалась полная луна, бывшая до того момента закрыта облаками, и несмотря на то, что апаратъ былъ видѣнъ съ земли, Марченко рѣшилъ все таки сбросить послѣднiя бомбы, выполнивъ такимъ образомъ полученное заданiе. Его крайняя щепетильность въ исполненiи долга его и погубила, такъ какъ, на 4-омъ пролетѣ, бывшiй уже въ воздухѣ красный истребитель, управляемый совѣтскимъ летчикомъ, легко обнаружилъ нашъ аппаратъ на фонѣ луны, зашелъ ему въ хвостъ и съ разстоянiя 150-200 метровъ

открылъ огонь изъ своихъ 4-хъ пулеметовъ. Первой же очередью былъ убитъ второй летчикъ лейтенантъ Мундатасъ, и для нашего экипажа это было первое извѣстіе о нахожденіи въ воздухѣ непріятеля. Механикъ и радіо бросились къ пулеметамъ, но было поздно: слѣдующая очередь пробила крыло и бензиновые баки, и аппаратъ началъ горѣть.

Марченко далъ приказъ бросаться на парашютахъ и послѣднимъ выпрыгнулъ самъ, уже сильно обожженный, и съ ужасомъ увидѣлъ, что парашютъ сержанта радіо загорѣлся, будучи открытъ, повидимому, слишкомъ скоро, когда парашютъ находился еще въ зонѣ горѣвшаго аппарата. Марченко и механикъ благополучно достигли земли, не видя другъ друга, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ краснаго аэродрома. Освободившись отъ парашюта, Всеволодъ Михайловичъ сталъ пробираться по направленію нашихъ линій, бывшихъ въ 50-60 клм., но невдалекѣ отъ шоссе былъ внезапно обнаруженъ свѣтомъ прожектора автомобиля, высланнаго на поиски экипажа, какъ только былъ замѣченъ пожаръ „Юнкерса".

Немедленно же началась перестрѣлка между Марченко и красными, бывшими въ автомобилѣ, въ которой В. М. былъ въ худшемъ положеніи, такъ какъ располагалъ только однимъ пистолетомъ, и какъ только изсякъ запасъ патроновъ, онъ былъ схваченъ и отведенъ въ ближайшее помѣщеніе красныхъ, которое было занято совѣтскими летчиками. Какъ только эти узнали что Марченко — русскій, всѣ они отнеслись къ нему скорѣе доброжелательно и даже послали за докторомъ чтобы осмотрѣть его ожоги, но въ эту минуту вошли въ помѣщеніе два красныхъ испанца и, не говоря ни слова, убили Всеволода Михайловича изъ пистолетовъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, я получилъ подтвержденіе исторіи сбитія и смерти В. М., когда нашъ экспедиціонный отрядъ на русскомъ фронтѣ (въ которомъ былъ мой сынъ) нашелъ въ одномъ изъ занятыхъ совѣтскихъ аэродромовъ нѣсколько авіаціонныхъ книгъ на русскомъ языкѣ и отправилъ ихъ въ Испанію. Въ числѣ этихъ книгъ была „Тактика авіаціи", написанная двумя совѣтскими „полковниками". Эта книга была немедленно же переправлена мнѣ для ея перевода на испанскій языкъ. И вотъ, въ главѣ „ночной воздушный бой", было описано сбитіе Марченко, со словъ летчика, со всѣми деталями. Такъ какъ это

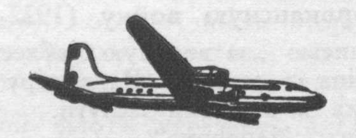
былъ единственный случай ночного боя въ нашей войнѣ и, кромѣ того, совпадали и мѣсто, и число, и обстановка, у меня нѣтъ сомнѣній, что глава относилась именно къ гибели Всеволода Михайловича.

Конечно, не могли быть указаны событія **п-о-с-л-ѣ** пожара аппарата, подробности, которыя я узналъ отъ крестьянина, хоронившаго Марченко, уже послѣ побѣдоноснаго окончанія войны.

Останки В. М. были разысканы его вдовой, Вѣрой Николаевной, и перевезены въ Севилью, гдѣ были устроены торжественныя похороны съ отданіемъ воинскихъ почестей.

Миръ праху твоему, прекрасный товарищъ и рабъ долга!

Всеволодомъ Михайловичемъ и мною ограничилось участіе русскихъ моряковъ, съ **н-а-ш-е-й с-т-о-р-о-н-ы**, въ Испанской войнѣ противъ коммунизма.

ПРИЛОЖЕНІЕ

БОЕВЫЯ НАГРАДЫ:

Въ Великую войну:

Анна 4-ой степени съ надписью „за храбрость".
Станиславъ 3-ей степени съ мечами и бантомъ.
Анна 3-ей степени „ „ „
Станиславъ 2-ой степени „ „ „
Владиміръ 4-ой „ „ „
Георгіевское оружіе.
Георгій 4-ой степени прошелъ уже при Временномъ Правительствѣ и приказъ застрялъ въ Главномъ Штабѣ въ Петроградѣ, почему въ послужной списокъ не внесенъ, но приказъ видѣлъ лично.
Произведенъ въ Старшіе лейтенанты за дѣйствія съ отрядомъ въ устьяхъ Дуная, приказъ вышелъ въ 1917 г. при Украинскомъ правительствѣ.

Въ Гражданскую войну:

Представленъ въ кап. 2 р. Штабомъ генерала Кутепова за дѣйствія съ отрядомъ въ Коркинитскомъ заливѣ.

Въ Марроканскую войну (1922-1927)

5 крестовъ съ надписью „за военную доблесть".
Крестъ Maria Cristina съ мечами (Владиміру 4-й степ.)
Африканская медаль за военныя заслуги.
Марроканскій орденъ „Medahnya".
Три производства за военныя заслуги: въ капралы, въ сержанты и въ унтеръ-офицеры. Нѣсколько похвальныхъ отзывовъ въ приказахъ Главнокомандующаго.

Въ Испано-большевистскую войну (1936-1939)

Крестъ съ надписью „за военную доблесть".
Звѣзда съ мечами.
Производство въ капитаны за военныя заслуги.
Медаль 1-ой линіи дѣйствующей арміи.
Германскій бѣлый крестъ съ мечами.
Итальянскій крестъ съ надписью „за военную доблесть".
Итальянскій орденъ „Короны" за заслугу въ ихъ экспедиціонномъ воздушномъ отрядѣ.

Послѣ войны:

Производство въ Команданты (Майоръ) и Подполковники.
Большая звѣзда за 35 лѣтъ безупречной службы, считая вдвойнѣ годы войны.
Званіе почетнаго летчика германской и итальянской авіаціи.
Пролетныхъ часовъ 2 400, изъ которыхъ 1 465 боевыхъ.

Всѣ вышеупомянутыя награды и полетные часы зарегистрованы въ русскомъ и испанскомъ послужныхъ спискахъ.

★ * ★ * ★ * ★ * ★ *

Г. Александровскій.

Совѣтскій флотъ

I. СТЕПЕНЬ ДОСТОВѢРНОСТИ СВѢДѢНІЙ О СОВѢТСКОМЪ ФЛОТѢ.

Судовой составъ совѣтскаго флота точно неизвѣстенъ.

Поэтому, приближенное опредѣленіе мощи совѣтскаго флота, сдѣланное 16 марта 1953 года въ англійскомъ парламентѣ Первымъ Лордомъ Адмиралтейства, Томасомъ, произвело сенсацію. Къ большому удивленію присутствующихъ, сэръ Томасъ заявилъ, что флотъ бывшей Владычицы морей, Великобританіи, потерялъ не только первое мѣсто, которое послѣ второй міровой войны занялъ флотъ Соединенныхъ Штатовъ, но, спустя нѣкоторое время послѣ войны, уступилъ и второе мѣсто флоту СССР.

Правда, совѣтскій флотъ перегналъ англійскій только по числу кораблей, находящихся на активной службѣ. Превосходство въ общемъ количествѣ кораблей, плавающихъ, находящихся въ резервѣ, незаконченныхъ, находящихся въ состояніи долговременнаго храненія, остается попрежнему за Англіей, въ особенности по отношенію авіаносцевъ. Но возникаетъ вопросъ, какъ долго еще Англіи удастся удержать за собой послѣдній отблескъ ея былой славы.

Заявленіе, сдѣланное столь авторитетнымъ лицомъ, какъ Первымъ Лордомъ Британскаго Адмиралтейства, взволновало почетныхъ джентельменовъ, засѣдающихъ въ Парламентѣ и не имѣвшихъ, до сихъ поръ, причинъ безпокоиться. Просматривая изъ года въ годъ новое изданіе международно признаннаго морского справочника „Джэн Файтинг Шипс", члены Нижней Палаты не находили въ немъ большихъ перемѣнъ.

И, дѣйствительно, вотъ уже 5 лѣтъ какъ справочникъ не показываетъ никагого существеннаго увеличенія состава совѣтскаго флота. Даже, наоборотъ, со страницъ справочника, начиная съ 1952 - 53 г., исчезли имена новыхъ линейныхъ кораблей, двухъ авіаносцевъ и двухъ бывшихъ нѣмецкихъ тяжелыхъ крейсеровъ, перечислявшихся въ справочникѣ за предыдущіе годы.

Если основываться на данныхъ, приведенныхъ въ справочникѣ за 1950-51 г., то совѣтскій флотъ въ 1949 году состоялъ изъ слѣдующаго количества законченныхъ и строющихся кораблей: 6 линейныхъ кораблей, 2-хъ авіаносцевъ, 25 крейсеровъ, 70 эскадренныхъ миноносцевъ и не менѣе 370 готовыхъ и 120 строящихся подводныхъ лодокъ. Въ справочникѣ за 1953-54 г. составъ совѣтскаго флота исчисляется только тремя старыми линейными кораблями, отсутствуютъ авіаносцы, а количество крейсеровъ, эскадренныхъ миноносцевъ и подводныхъ лодокъ остается все тѣмъ же, съ нѣкоторыми болѣе подробными данными о корабляхъ. Эти данныя соотвѣтствуютъ свѣдѣніямъ, опубликованнымъ въ «Морскихъ Запискахъ» за 1949 и 1950 г.г. Иначе говоря, и эти свѣдѣнія не отличаются новизной.

Неужели Совѣтскій Союзъ не построилъ никакихъ новыхъ кораблей за истекшія 5 лѣтъ, несмотря на то, что они являются годами интенсивной подготовки къ войнѣ? Или же совѣтское правительство перевело работу судостроительныхъ заводовъ на производство предметовъ мирнаго времени?

Такое предположеніе, конечно, абсурдно. Не только Сталинъ, но и его наслѣдники не могутъ быть заподозрѣны въ уменьшеніи усилій вооруженія страны за счетъ будущаго гадательнаго прироста производства совѣтской промышленности.

Такимъ образомъ, производство совѣтскихъ верфей не только не пріостановилось, но и не замедлилось хотя бы по той простой причинѣ, что, согласно совѣтской доктринѣ, каждое существующее промышленное предпріятіе должно работать на полные обороты.

Согласно тому же справочнику Джэна, ассигнованія на флотъ увеличились, съ 1952 на 1953 г. съ 15 до 20 милліардовъ рублей, т. е. на 25 %, и составляютъ 20 % всего военнаго бюджета страны. Однако, денежное выраженіе расходовъ не представляетъ настоящей картины. Дѣйствительные расходы на военныя нужды значительно выше смѣтныхъ цыфръ. Важно распредѣленіе техническаго оборудованія, людской силы и отпускъ матеріаловъ. Совѣтское судостроеніе подчинено отдѣльному министерству, руководствующему работой не только верфей, но и подсобныхъ заводовъ производящихъ главные и вспомогательные механизмы и аппаратуру, и этому министерству забронированъ отпускъ стали и оборудованія съ заводовъ другихъ министерствъ.

Вопросъ можетъ быть только въ томъ, строятся ли на совѣтскихъ верфяхъ военные корабли или коммерческіе пароходы и теплоходы.

Согласно даннымъ Ллойдъ-регистръ, приводимымъ въ томъ же англійскомъ справочникѣ, совѣтскій торговый флотъ насчитывалъ въ 1948 г. 979 судовъ водоизмѣщеніемъ въ 2.107.412 тоннъ,

а въ 1953 г. — 1023 корабля съ тоннажемъ въ 2.226.885 тоннъ. Иначе говоря, составъ совѣтскаго торговаго флота за 5 лѣтъ почти не измѣнился.

Мы знаемъ, что совѣтскіе представители заграницей пользуются каждой возможностью, чтобы за любую цѣну и гдѣ угодно дать заказъ иностраннымъ верфямъ на постройку коммерческихъ кораблей. Они стараются, въ первую очередь, заказать нефтеналивныя суда, а если такой возможности нѣтъ, то не брезгуютъ заказами на рыболовныя суда, которыя строятся въ количествѣ, вызывающемъ удивленіе. Многократно сообщалось о передвиженіяхъ каравановъ этихъ маленькихъ судовъ или на Дальній Востокъ, или на Сѣверъ.

Постройка торговыхъ кораблей производится интенсивно не только на морскихъ верфяхъ Восточной Германіи и Польши, но и на рѣчныхъ судостроительныхъ заводахъ въ Чехословакіи и Венгріи. Оба эти государства заняты постройкой рѣчныхъ пароходовъ на Дунаѣ для Волги, куда готовые корабли доставляются черезъ Черное море и Волго-Донскій каналъ.

А что же строятъ совѣтскіе рѣчные судостроительные заводы? Морской справочникъ Джэна за 1950-51 г. сообщаетъ, что малыя подводныя лодки строятся въ разобранномъ видѣ въ Горькомъ и оттуда доставляются по желѣзной дорогѣ въ отдѣльныя моря. Разумѣется, что и многія другія рѣчныя верфи заняты постройкой подводныхъ лодокъ.

Если совѣтскія рѣчныя верфи заняты постройкой военныхъ кораблей, то морскіе судостроительные заводы, конечно, не бездѣйствуютъ, а разъ они не строятъ кораблей для торговаго флота, то они строятъ ихъ только для военнаго.

И каждый годъ, при празднованіи „Дня флота", отвѣтственные руководители совѣтскаго флота горделиво заявляютъ, что за истекшій годъ флотъ СССР пополнился новыми современными боевыми кораблями.

Трудно предположить, чтобы подобныя высказыванія краснаго адмирала Кузнецова и другихъ были бы пустымъ бахвальствомъ. Коммунисты любятъ похвастаться своими успѣхами при постройкѣ соціалистическаго государства, но въ отношеніи подготовки къ войнѣ они о своихъ успѣхахъ помалкиваютъ. Вспомнимъ истерическіе вопли Гитлера зимой 1941 г., что большевики его обманули, когда, во время совѣто-финской войны, воевали съ пушками и танками старыхъ образцовъ, въ то время, какъ ихъ арсеналы были полны танковъ „Т-34" и 6" орудій, болѣе совершенныхъ, чѣмъ новенькое оружіе германской арміи, боевую мощь которыхъ нѣмцамъ пришлось испытать на себѣ.

Но гдѣ же находятся эти новые корабли, которыми, согласно заявленію совѣтскаго Морского Министра Кузнецова, пополняется флотъ СССР?

Засекречиваніе свѣдѣній о постройкахъ новыхъ совѣтскихъ кораблей въ СССР поставлено превосходно. Заграницу не проникаетъ почти никакихъ свѣдѣній. Иностранцы не имѣютъ доступа въ районы, гдѣ находятся кораблестроительные заводы.

Тѣмъ не менѣе, спрятать остовы кораблей большого тоннажа, строящихся на Ленинградскихъ верфяхъ, невозможно, и свѣдѣнія о нихъ проникли заграницу, какъ мы это знаемъ изъ справочника Джэна до 1952 года. Но такъ какъ остовы этихъ кораблей все время остаются въ Ленинградѣ, у иностранцевъ создается впечатлеиіе, что постройка ихъ пріостановлена. Однако, какія имѣются причины думать, что эти остовы являются одними и тѣми же, а не новыми, послѣ того какъ достраивающіеся корабли были уведены изъ Ленинграда? Это предположеніе отбрасывается, такъ какъ ни въ Ленинградѣ, ни въ какомъ другомъ военномъ порту въ Балтійскомъ морѣ новые законченные постройкой большіе корабли замѣчены не были. Въ то же время извѣстно, что они также не покинули предѣлы Балтійскаго моря. Отсюда англичане сдѣлали выводъ, что новыхъ линейныхъ кораблей у СССР нѣтъ, и вычеркнули ихъ имена изъ своего справочника.

Такой выводъ, однако, является преждевременнымъ. Страницы совѣтскаго „Морского Сборника" послѣ войны были полны статей высшихъ чиновъ Совѣтскаго флота, въ которыхъ, на основаніи опыта только что закончившейся войны, разбирался вопросъ, какъ защитить флотъ, стоящій въ морскихъ базахъ. Въ своемъ трудѣ „О приморскихъ крѣпостяхъ" замѣститель Морского Министра, адмиралъ И. С. Исаковъ (бывшій мичманъ вып. 1917 г.) приходитъ къ заключенію, что судьба флота въ морскихъ крѣпостяхъ, удовлетворяющихъ новѣйшимъ требованіямъ обороны, вовсе не безнадежна и что самой совершенной защитой кораблей отъ всякаго рода случайностей являются желѣзо - бетонныя убѣжища, подобные тѣмъ, которые были построены нѣмцами во время войны для подводныхъ лодокъ. Отъ идеи бомбоубѣжищъ для подводныхъ лодокъ легко перейти къ идеи желѣзо-бетонныхъ навѣсовъ, служащихъ одновременно крышей для сухихъ доковъ и для большихъ кораблей.

Въ январскомъ номерѣ за 1954 годъ журнала „U. S. Naval Institute Proceedings" помѣщена статья Рудольфа Лузара „Красный флотъ сооружается". Авторъ началъ военную службу въ Германскомъ флотѣ въ первую мировую войну и въ настоящее время пишетъ исторію военныхъ дѣйствій Германскаго флота и слѣдитъ за состояніемъ совѣтскихъ морскихъ силъ. На основаніи произведеннаго имъ опроса вернувшихся изъ Совѣтскаго Союза германскихъ военноплѣнныхъ, Лузаръ приходитъ къ заключенію, что, вопреки совѣтскимъ утвержденіямъ, что большіе корабли не отвѣчаютъ условіямъ современной морской войны, они построили огромные сухіе доки для кораблей водоизмѣщеніемъ въ 50.000 тоннъ въ Кронштадтѣ, въ Мурманскѣ и въ Молотовскѣ

на Бѣломъ морѣ, а кромѣ того, для прохода кораблей этого водоизмѣщенія, углубляютъ Морской каналъ, соединяющій Ленинградъ съ Кронштадтомъ.

Постройка сухихъ доковъ, перекрытыхъ желѣзо-бетонными навѣсами, полностью отвѣчаетъ заключеніямъ Замѣстителя Морского Министра, адмирала Исакова. Существованіе этихъ доковъ объясняетъ причину таинственнаго исчезновенія остововъ кораблей большого тоннажа съ верфей Ленинграда, окончаніе постройки которыхъ слѣдовало бы предполагать. Попутно, подъ желѣзо-бетонными навѣсами укрыты и авіаносцы, и бывшіе нѣмецкіе тяжелые крейсера, одинъ изъ которыхъ, „Лютцовъ" былъ уступленъ передъ войной Германіей СССР въ почти законченномъ состояніи. Сдача на сломъ прекрасно спроектированныхъ и солидно построенныхъ нѣмецкихъ кораблей противорѣчитъ элементарной логикѣ, поскольку болѣе старые и хуже построенные итальянскіе корабли входятъ въ плавающій составъ Черноморскаго флота.

Недавнее награжденіе орденомъ Ленина Предсѣдателя Всесоюзнаго Комитета по дѣламъ строительства К. М. Соколова, въ вѣдѣніи котораго находится постройка желѣзо-бетонныхъ убѣжищъ для флота и атомныхъ заводовъ, свидѣтельствуетъ что награжденный, очевидно, справился съ той и другой работой.

Но, если это объясненіе таинственнаго исчезновенія новыхъ совѣтскихъ большихъ кораблей вѣрно, то возникаетъ вопросъ — вѣдь огромныя денежныя суммы и колоссальная затрата труда не расходуются для того, чтобы построенные корабли оставались бездѣятельными.

Какъ могло случиться, что новые большіе корабли никто до сихъ поръ не встрѣтилъ въ морѣ?

Флотъ состоитъ не только изъ матеріальной части, т. е. кораблей, но и изъ личнаго состава, который долженъ сростись съ кораблями не только въ порту, но и научиться въ совершенствѣ управлять ими въ открытомъ морѣ.

По имѣющимся свѣдѣніямъ, основная подготовка личнаго состава большихъ кораблей переведена въ Черное море, гдѣ флотъ имѣетъ возможность находиться въ плаваніи почти круглый годъ. Для этой цѣли въ Черномъ морѣ находятся два линейныхъ корабля, 9 крейсеровъ и соотвѣтствующее число миноносцевъ. Уже давно за границу проникли свѣдѣнія, что обученіе личнаго состава подводныхъ лодокъ происходитъ на малыхъ подводныхъ лодкахъ въ Каспійскомъ морѣ.

Слѣдующая стадія обученія личнаго состава происходитъ на современныхъ большихъ корабляхъ и океанскихъ подводныхъ лодкахъ въ сѣверныхъ моряхъ и на Дальнемъ Востокѣ. Радаръ позволяетъ, даже въ узкомъ Балтійскомъ морѣ, выбиратъ курсы

уводящіе большіе совѣтскіе корабли во время ихъ походовъ отъ встрѣчи со случайными иностранными судами. Совѣтская авіація прикрываетъ доступъ къ району плаванія этихъ кораблей съ воздуха, и не разъ сбивала американскіе и шведскіе самолеты, летѣвшіе близко къ районамъ, гдѣ совѣтскій флотъ могъ проходить свое обученіе. Наконецъ, въ Арктическомъ океанѣ и на Дальнемъ Востокѣ имѣется не мало медвѣжьихъ угловъ, гдѣ не приходится опасаться встрѣчи съ любопытствующими иностранными коммерческими пароходами.

Повидимому, благодаря принятымъ коммунистами суровымъ мѣрамъ, имъ до сихъ поръ удается скрывать существованіе новыхъ большихъ кораблей отъ глазъ иностранцевъ.

2. ВЗГЛЯДЫ ПОСЛѢВОЕННОЙ СОВѢТСКОЙ ВОЕННО-МОРСКОЙ ДОКТРИНЫ НА РОЛЬ БОЛЬШИХЪ НАДВОДНЫХЪ КОРАБЛЕЙ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ МОРСКОЙ ВОЙНѢ.

Утвержденіе Лузара, что совѣтское командованіе считаетъ большіе корабли не отвѣчающими условіямъ современной войны, основано на очень устарѣлыхъ свѣдѣніяхъ, относящихся къ періоду до Испанской гражданской войны. Еще передъ второй міровой войной совѣтское правительство, вмѣстѣ со своими адмиралами, перемѣнило свое мнѣніе и заложило большіе корабли, которые только разразившаяся война помѣшала имъ достроить.

Опытъ послѣдней войны утвердилъ совѣтское командованіе въ правильности произведеннаго имъ до войны пересмотра основныхъ взглядовъ на веденіе морской войны. Въ трудахъ совѣтскихъ авторовъ, отражающихъ принципы современной совѣтской морской доктрины, имѣется не мало къ тому подтвержденій.

Послѣ войны, одна изъ редакціонныхъ статей совѣтскаго „Морского Сборника“, посвященная празднованію „Дня В. М. Флота“ заканчивается слѣдующими словами: — „... Совѣтскій народъ не жалѣетъ силъ и средствъ, чтобы помочь флоту въ его укрѣпленіи и развитіи. Онъ хочетъ видѣть флотъ еще болѣе сильнымъ и могучимъ!“

О томъ, что изъ себя долженъ представлять этотъ „болѣе сильный и могучій флотъ“, можно заключить изъ результатовъ преній на научной конференціи на тему — „Развитіе и совершенствованіе теоріи войны отъ Мэхена и Коломба до нашихъ дней“, имѣвшей мѣсто въ Военно-Морской Академіи. Контръ-адмиралъ В. А. Белли (бывш. кап. 2 р., вып. 1906 г.), заявилъ, что Штенцель, Берлотти, Кладо и друг. учли опытъ русско-японской войны, поскольку этотъ опытъ былъ связанъ съ идеями генеральнаго боя и блокады, но не замѣтили появившагося развитія миннаго

оружія. Поэтому ученіе Коломба-Мэхена пріобрѣло догматическій характеръ. Совѣтская „молодая школа" цѣликомъ отбросила старую теорію владѣнія моремъ и выдвинула идею „малой войны". Это увлеченіе было объяснимо, поскольку надо было возможно скорѣе создать силы для обороны совѣтскихъ морскихъ границъ. Однако, Сталинская пятилѣтка пренебрегаетъ этой идеей строительства всѣхъ классовъ кораблей.

Заключительное слово на конференціи сказалъ Начальникъ Военно-Морской Академіи, адмиралъ В. А. Алафузовъ (бывш. кадетъ М. К., пріема 15 г.) указавшій, что опытъ минувшей войны долженъ занять ведущее мѣсто въ изслѣдованіяхъ, какъ наиболѣе свѣжій и богатый, но слѣдуетъ предвидѣть и иныя формы войны, въ которыхъ флоту придется выполнять болѣе широкія задачи.

О томъ, что Алафузовъ подразумѣваетъ подъ „болѣе широкими задачами" становится очевиднымъ, ознакомившись съ его трудомъ: „О сущности морскихъ операцій". Цитируемъ изъ этого труда:

„...Въ итогѣ сущность операцій на морѣ состоитъ въ достиженіи цѣли черезъ завоеваніе господства въ районѣ рѣшенія задачи ... Терминъ «господства» иногда врѣчалъ въ нашей военно-морской литературѣ недоброжелательное отношеніе, объяснявшееся тѣмъ, что терминъ этотъ вызвалъ ассоціацію съ такъ называемой теоріей владѣнія моремъ или господства на морѣ, имѣвшій въ основѣ своей утвержденіе, что господство на всемъ театрѣ достигается генеральнымъ сраженіемъ или блокадой. Теорія эта въ своей принципіальной основѣ была опровергнута уже опытомъ первой міровой войны. Вторая міровая война еще въ большей степени подтвердила неосновательность указанной теоріи. Событія двухъ міровыхъ войнъ наглядно продемонстрировали невозможность достиженія господства на всемъ театрѣ однимъ ударомъ (генеральнымъ сраженіемъ) или однимъ развертываніемъ своихъ силъ (блокадой). «Эти событія въ то же время не менѣе наглядно показали, что какъ господство въ отдѣльномъ районѣ театра, такъ и господство на всемъ театрѣ — вещь реальная и вполнѣ достижимая. Если скомпроментированъ методъ достиженія результата, это не должно означать, что результатъ не можетъ быть достигнутъ другимъ методомъ, хотя бы этотъ методъ требовалъ другихъ сроковъ для достиженія результатовъ и самъ результатъ получался бы не сразу, а постепенно. Наша военно-морская теорія, за исключеніемъ отдѣльныхъ ошибочныхъ загибовъ, собственно не возставала противъ положенія о цѣлесообразности и необходимости добиваться господства на морѣ . . ."

Какія средства необходимы, чтобы достигнуть высказанное Алафузовымъ „Господство въ районѣ рѣшенія опредѣленной задачи", слѣдуетъ изъ труда о приморскихъ крѣпостяхъ, упомянутаго выше Замѣстителя Морского Министра СССР, адмирала Исакова:

„. . . Мы твердо стоимъ на той позиціи, что въ современной войнѣ крупный стратегическій успѣхъ не можетъ быть достигнутъ какимъ-либо однимъ видомъ вооруженныхъ силъ. Континентальная война требуетъ взаимодѣйствія наземныхъ войскъ съ авіаціей, война на морѣ — взаимодѣйствія арміи, флота и авіаціи. Даже достигнутое господство въ воздухѣ требуетъ закрѣпленія его на землѣ путемъ занятія и удержанія плацдарма базированія авіаціи наземными войсками. Вотъ почему попытка нѣмцевъ (адміралъ Деницъ) добиться рѣшающаго успѣха въ морской войнѣ противъ Англіи только при помощи подводныхъ лодокъ, хотя бы и многочисленныхъ, безъ сильнаго надводнаго флота и безъ привлеченія крупныхъ силъ авіаціи была не научной и въ концѣ концовъ оказалась несостоятельной. По той же причинѣ опытъ войны не подтвердилъ умозаключеній генерала Дуэ (?), вѣрнѣе его фанатическихъ апостоловъ, мечтавшихъ добиться стратегическихъ цѣлей войны преимущественно воздушными силами . . .“. Авіація достигла того, что „. . . отнынѣ угроза базамъ флота на разстояніи 2500-3000 миль не зависитъ отъ соотношенія силъ флота . . . но средства авіаціи безполезны противъ бетонныхъ укрытій . . . . . . кромѣ того, авіація не можетъ безъ помощи арміи и флота ни захватить, ни удержать территоріи. . . Значительное ограниченіе воздушной блокады происходитъ изъ-за плохихъ метеорологическихъ условій и темнаго времени сутокъ, почему наиболѣе цѣлесообразно примѣнять комбинированную блокаду силами флота и авіаціи . . .“

Другой совѣтскій авторъ, К. Зотовъ считаетъ, что ни авіація, ни подводныя лодки не могутъ замѣнить морской надводный транспортъ, а пока существуетъ таковой, необходимъ надводный военный флотъ, «становымъ хребтомъ» котораго являются большіе корабли. Они, въ свою очередь, нуждаются въ авіаціонной защитѣ не уступающей воздушнымъ силамъ противника. Кромѣ того, военный надводный флотъ необходимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда авіація, изъ-за нелетной погоды, не можетъ дѣйствовать и въ случаѣ надежнаго обезпеченія особо важныхъ операцій — дессантныхъ и противо-дессантныхъ, и т. п.

Морскіе эксперты западныхъ странъ придерживаются мнѣнія, что Совѣтское Морское Командованіе считаетъ, что авіаносцы не являются необходимыми кораблями для совѣтскаго флота. К. Зотовъ отвергаетъ эту идею.

Всѣ перечисленные военно-морскіе авторитеты до сихъ поръ безсмѣнно находятся во главѣ совѣтскихъ военно-морскихъ силъ. Поэтому, нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что они измѣнили свои взгляды или не пытаются провести ихъ въ жизнь. Въ совѣтскихъ условіяхъ каждая смѣна теоріи сопровождается или физическимъ уничтоженіемъ лицъ эту теорію поддерживав-

шихъ, или ихъ отстраненіемъ на второстепенные посты. Такъ какъ ни того, ни другого не произошло, правильнѣе всего предполагать, что послѣвоенное строительство „сильнаго и могучаго“ совѣтскаго флота происходитъ согласно выше приведеннымъ принципамъ, и включаетъ постройку надводнаго флота, въ составъ котораго входятъ и линейные корабли, и авіаносцы, помимо многочисленнаго подводнаго флота. Конечно, мы не знаемъ о совѣтскихъ достиженіяхъ въ атомномъ вооруженіи и насколько степень этого вооруженія можетъ оказать вліяніе на строительство флота. Поэтому, будетъ благоразумнымъ вышеприведенныя соображенія подвергнуть детальному изученію.

3. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ СУДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЯВЛЯЕТСЯ, ПОКА, ЕДИНСТВЕННЫМЪ МѢРИЛОМЪ СИЛЫ СОВѢТСКАГО ФЛОТА.

Для постройки сильнаго флота въ короткій срокъ нужна, прежде всего, широко развитая кораблестроительная промышленность. Мало того, постройка сильнаго флота является еще только частью подготовки къ современной морской войнѣ. Флотъ долженъ имѣть возможность быстраго восполненія потерь въ теченіе самой войны. Для этого нужна не только мощная, а сверхъмощная промышленность. Наконецъ, эта сверхъ-мощная судостроительная промышленность должна быть предохранена отъ возможности быть выведенной изъ строя во время войны. Иначе говоря, эта промышленность должна быть рассосредоточенной.

Это логическое заключеніе не могли не сдѣлать авторы выше перечисленныхъ трудовъ, отражающихъ взгляды современной военно-морской доктрины. К. Зотовъ, послѣ утвержденія о необходимости сильнаго надводнаго флота, пишетъ:

> „. . . Какое значеніе въ современныхъ условіяхъ будетъ имѣть бой, по тактическимъ результатамъ приближающійся къ Трафальгару или Цусимѣ? Не болѣе того значенія, какое имѣлъ Перлъ-Харборъ: американцы дѣйствительно потеряли возможность бороться за господство, но лишь въ опредѣленной зонѣ и на короткій стратегическій срокъ. Конечно, для слабѣйшей, съ точки зрѣнія производительности силъ, стороны такой бой можетъ ускорить окончательное пораженіе въ войнѣ. . .“

Такъ это случилось съ Японіей послѣ пораженія у острова Лэйте (Филиппинскіе острова), добавимъ мы отъ себя.

Значитъ, основнымъ факторомъ, рѣшающимъ судьбу войны на морѣ въ современныхъ условіяхъ, теперь является не только

наличіе „становыхъ хребтовъ флота", но и соотношеніе силъ воспроизводства у каждаго изъ соперниковъ и наличіе глубины тыловъ для поглащенія въ пространствѣ временнаго успѣха противника.

К. Зотовъ заканчиваетъ свою работу слѣдующимъ выводомъ:

„. . . . Со всей силой надо подчеркнуть давно уже сдѣланный выводъ (у насъ его первымъ сдѣлалъ Фрунзе), что ни одно государство не можетъ вести войнъ на основѣ военной техники и запасовъ, заготовленныхъ въ мирное время. Настолько велики масштабы расхода оружія и военныхъ матеріаловъ, настолько идетъ впередъ военная техника, что было бы просто неразумнымъ пытаться рѣшать этотъ вопросъ такъ, какъ его хотѣла рѣшить Германія. Мощная экономика и, прежде всего, богатая и сильная промышленность пріобрѣтаютъ сейчасъ особо важное значеніе не только для сухопутныхъ и воздушныхъ, но и морскихъ силъ. . . . ".

„. . . . Но чтобы этотъ факторъ былъ приведенъ въ дѣйствіе со всей возможной эффективностью, необходима огромная подготовительая „мобилизаціонная" работа. Эта работа должна пронизать всѣ пути народнаго хозяйства. Въ частности если говорить о подготовкѣ флота, она должна охватывать всѣ родственныя и соприкасающіяся организаціи и учрежденія; послѣднія должны имѣть спеціальные указанія и задачи по реализаціи военныхъ требованій по всему строительству и оборудованію. Нѣтъ надобности говорить, какое огромное военное значеніе могутъ и должны имѣть правильныя оперативныя заданія, хотя бы, по росту и развитію торговаго флота и портовъ. . . . ".

Вышеприведенныя выдержки даютъ намъ ключъ къ пониманію, зачѣмъ СССР заказываетъ заграницей многочисленные рыболовныя суда. Они необходимы для интенсивнаго веденія „минной войны", о которой упомянулъ выше контръ-адміралъ Белли. Строя эти несложные корабли заграницей, СССР освобождаетъ свои верфи и машиностроительные заводы для постройки болѣе сложныхъ и чисто военныхъ кораблей.

Изъ этого можно вывести, что Совѣтское Правительство сознаетъ важность долголѣтняго плана строительства портовъ въ соотвѣтствіи съ нуждами военнаго флота. Такой планъ не могъ не предусмотрѣть постройки желѣзо-бетонныхъ убѣжищъ для крупныхъ надводныхъ кораблей.

* * *

Авторъ этихъ строкъ прослужилъ большую часть своей зрѣлой жизни на пользующихся міровой извѣстностью заводахъ Шкода въ Чехословакіи и можетъ засвидѣтельствовать, какъ совѣтскіе правительственные органы подошли съ широкимъ и подробнымъ планомъ на долгій срокъ впередъ къ строительству кораблестроительныхъ заводовъ въ СССР еще передъ второй

міровой войной. Такъ, машиностроительное отдѣленіе заводовъ Шкода соорудило и поставило СССР большую серію станковъ для кораблестроительныхъ заводовъ. Чугуннолитейный цехъ этого завода въ теченіе двухъ лѣтъ отливалъ самыя крупныя свои отливки, которыя должны были служить подпорами для этихъ громадныхъ по своимъ размѣрамъ станковъ. Турбинный цѣхъ заводовъ Шкода въ то же время сооружалъ паровыя турбины для совѣтскихъ крейсеровъ типа „Кировъ" и большихъ эскадренныхъ миноносцевъ. Тѣ же турбины строились и на двухъ остальныхъ чешскихъ большихъ турбинныхъ заводахъ: Ческо-Моравска-Колбенъ въ Прагѣ и на турбинномъ заводѣ въ Брно. Эти станки и турбины поставлялись и послѣ оккупаціи Гитлеромъ Чехословакіи вплоть до нападенія Гитлера на СССР въ 1941 г.

Послѣ окончанія войны, въ оккупированный американской арміей городъ Пильзенъ, гдѣ находились заводы Шкода, пріѣхала совѣтская делегація, состоящая изъ совѣтскихъ морскихъ артиллеристовъ, для обсужденія съ дирекціей заводовъ Шкода, возможности поставки этими заводами трехъ-орудійныхъ башень съ 15" орудіями въ 52 калибра. Заводъ долженъ былъ обязаться поставить по одной башнѣ въ четырехъ-мѣсячный срокъ, всего 12 башенъ для трехъ кораблей въ теченіе трехъ лѣтъ. Оборудованіе заводовъ, однако, не позволяло, безъ большой реконструкціи заводовъ, изготовлять 15" орудія больше 45 калибровъ. Совѣты не дали заказа на эти орудія заводамъ Шкода, очевидно предпочтя произвести подобную реконструкцію на собственныхъ артиллерійскихъ заводахъ. Тѣмъ не менѣе, спѣшка, съ которой коммунисты поспѣшили пріѣхать въ еще занятый американскими войсками городъ, и короткіе сроки для сдачи орудій, на которыхъ они настаивали, говорятъ сами за себя. Намѣреніе докончить постройку именно трехъ линейныхъ кораблей, заложенныхъ еще до войны, было у нихъ твердымъ и, въ связи съ вышеприведенными взглядами совѣтскаго морского командованія, врядъ ли могло быть отставленнымъ.

Всѣ три перечисленные нами чешскіе турбино-строительные заводы, немедленно послѣ войны начали снова работать съ максимальной производительностью на поставкахъ турбинъ для совѣтскихъ военныхъ кораблей. До войны заводы Шкода изготовляли турбины для извѣстной англійской фирмы Парсонъ и для другихъ заказчиковъ, а послѣ войны чешскіе заводы изготовляютъ турбины исключительно для СССР. При этомъ, за истекшія послѣ войны девять лѣтъ, производительность чешскихъ турбиностроительныхъ заводовъ была, по крайней мѣрѣ, удвоена.

Естественно, что одновременно съ изготовленіемъ турбинъ для своихъ новыхъ военныхъ кораблей на чешскихъ и, вѣроятно,

на восточно-германскихъ и венгерскихъ заводахъ, Совѣты производятъ турбины сами и увеличиваютъ производительность своихъ турбиностроительныхъ заводовъ.

Куда же это громадное количество турбинъ дѣвается? Нужно, вѣроятно, десятки ихъ установить на каждый изъ крейсеровъ и большихъ миноносцевъ, которые, согласно свѣдѣніямъ, опубликованнымъ въ осторожномъ англійскомъ справочникѣ Джэна, въ небольшомъ числѣ прибавились въ совѣтскомъ флотѣ за истекшія пять лѣтъ.

Свѣдѣнія въ справочникѣ Джэна опредѣленно ненадежны. Они свидѣтельствуютъ только о неважномъ состояніи информаціонной службы самого справочника и англійскаго адмиралтейства, неофиціознымъ изданіемъ котораго онъ является. Быть можетъ имѣются причины, по которымъ издательство воздерживается отъ публикаціи настоящихъ цифръ — но, во всякомъ случаѣ, свѣдѣнія, приводимыя Джэномъ, приводятся такими авторитетами, какъ Admiral Robert B. Carney, Chief of Naval Operations, U. S. Navy & Field Marchal Viscount Montgomery.

Поэтому авторъ этихъ строкъ соглашается съ Рудольфомъ Лузаръ, который, въ вышеупомянутой статьѣ въ американскомъ морскомъ журналѣ, считаетъ что нужно исходить изъ другого базиса для оцѣнки силы совѣтскаго флота. Такимъ базисомъ является опредѣленіе приблизительной мощности совѣтской судостроительной промышленности. При этомъ опредѣленіи слѣдуетъ исходить изъ уже извѣстной производительности совѣтскихъ верфей до второй міровой войны.

До войны въ СССР было построено или заложено:

4 линейныхъ корабля: два въ Балтійскомъ, и по одному въ Черномъ и Бѣломъ моряхъ,

2 авіаносца: по одному въ Балтійскомъ и Бѣломъ моряхъ

14 крейсеровъ: пять въ Балтійскомъ и Черномъ, по два въ Бѣломъ морѣ и на Дальнемъ Востокѣ.

60 большихъ миноносцевъ: (изъ нихъ приблизительно 25 на стапеляхъ одновремено)

315 подводныхъ лодокъ, не считая погибшихъ во время войны.

Согласно свѣдѣніямъ германскаго генеральнаго штаба, въ СССР было построено въ 1939 году — 47 подводныхъ лодокъ, въ 1940 г. — 122, изъ которыхъ только въ Ленинградѣ — 42, а за первую половину 1941 г. — 75 подв. лодокъ.

Таковы были возможности совѣтскаго судостроенія до войны. Что же измѣнилось послѣ войны? Во первыхъ, эти возможности

не уменьшились, и, во вторыхъ, они были значительно пріумножены въ соотвѣтствіи съ выше приведенными взглядами совѣтскаго морского командованія.

Рудольфъ Лузаръ имѣлъ возможность, на основаніи опроса вернувшихся изъ СССР нѣмецкихъ военноплѣнныхъ и бѣженцевъ изъ странъ за «Желѣзнымъ занавѣсомъ» собрать нижеслѣдующія свѣдѣнія:

БАЛТІЙСКОЕ МОРЕ.

Къ основнымъ Ленинградскимъ верфямъ:

1. верфь имени Орджоникидзе — бывш. Балтійскій заводъ съ 2 стапелями для круп. судовъ.

2. „ „ Жданова — бывш. Адмиралтейскій заводъ съ 2 стапелями для крупныхъ судовъ.

3. „ „ Кирова — бывшій Путиловскій заводъ, строитъ мин-цы и подв. лод.

4. „ „ Марти — бывш. Франко-Русскій Металлическій заводъ, также строитъ мин-цы и подв. лодки.

5. „ Судмехъ — строитъ только подв. лодки.

прибавились:

6. верфь въ Ревелѣ — строитъ мин-цы и подв. лод.

7. двѣ верфи въ Ригѣ — строятъ подв. лодки.

8. верфь въ Либавѣ — куда установлено оборудованіе размонтированнаго нѣмецкаго завода Бломъ и Воссъ изъ Гамбурга, для постройки кораблей вплоть до самаго крупнаго тоннажа.

9. верфь въ Выборгѣ — строитъ мелкія суда и подводныя лодки.

Два большихъ завода въ Калининградѣ (Кенигсбергъ); изъ нихъ заводъ.

10. Вулканъ — строитъ двѣ 750 тон. подв. лодки въ мѣсяцъ и,

11. заводъ въ Эльбингенѣ — строитъ четыре 750 тон. подв. лодки въ мѣсяцъ.

Верфи въ Восточной Германіи строятъ только тральщики и торговые корабли.

Современная суммарная способность совѣтской судостроительной промышленности въ Балтiйскомъ морѣ, по свѣдѣнiямъ Лузара, увеличилась на 50 % по постройкѣ надводныхъ кораблей по сравненiю съ довоеннымъ уровнемъ и способна построить 116 подв. лодокъ въ годъ.

ЧЕРНОЕ МОРЕ.

Въ связи съ разрушенiемъ нѣмцами стапелей въ Николаевѣ и находившихся на нихъ остовами линейнаго корабля и крейсера, и мелкой глубины Буга, новые стапеля сооружены южнѣе, ближе къ Очакову.

Верфь въ Херсонѣ строила мин-цы еще во время первой мiровой войны и теперь расширена.

Поти превращенъ въ крупный центръ строительства подв. лодокъ.

Помимо вышеупомянутыхъ, верфи построены въ Севастополѣ (Инкерманѣ), Новороссiйскѣ, Туапсе и Батумѣ. Такъ какъ Черное море является закрытымъ, и потребности флота по многимъ классамъ кораблей уже удовлетворены, то многiе заводы работаютъ по изготовленiю составныхъ частей для кораблей, строющихся на другихъ моряхъ.

СѢВЕРНЫЙ ТЕАТРЪ.

Въ Молотовскѣ, расположенномъ на западъ отъ мелкаго устья Сѣв. Двины, еще до войны была заложена крупная верфь и начата постройка линейнаго корабля, авiаносца и одного или двухъ крейсеровъ. Корабли собираются въ построенныхъ сухихъ докахъ. Во время войны постройка кораблей была прiостановлена и снова начата по окончанiи войны.

Одинъ крейсеръ вошелъ въ строй въ 1951 или 1952 г., а два дальнѣйшихъ крейсера, начатые оба или одинъ, уже послѣ войны, были закончены въ 1952 или 1953 г. За ними должны были вступить въ строй большiе корабли. Лузаръ упоминаетъ имена четырехъ кораблей и одного авiаносца, но свѣдѣнiя эти нельзя назвать достовѣрными.

Для постройки крейсеровъ сооружена верфь въ Архангельскѣ, а подводныя лодки строются или собираются въ Бѣломорскѣ и Сокотрѣ на Бѣломорскомъ каналѣ, въ Петрозаводскѣ на Онежскомъ озерѣ, въ Мурманскѣ и въ Полярномъ на сѣверо-западномъ океанскомъ побережьѣ. Постройка миноносцевъ, изъ за суроваго климата, замедляющаго постройку кораблей, очевидно производится въ Балтiйскомъ морѣ, откуда они затѣмъ переводятся по каналу въ Сѣверный флотъ.

ДАЛЬНІЙ ВОСТОКЪ.

Въ сооруженной передъ войной въ Комсомольскѣ на Амурѣ верфи не могутъ быть построены корабли больше крейсерскаго тоннажа, т. к. глубина устья Амура не превышаетъ 26 футъ. Изъ заложенныхъ до войны крейсеровъ, „Калининъ" вошелъ въ строй въ 1942 г., а „Кагановичъ" — въ 1943 г. Въ 1944 и 1945 гг. не былъ законченъ ни одинъ крейсеръ, хотя они были сразу заложены на освободившихся, послѣ спуска первыхъ двухъ крейсеровъ, стапеляхъ. Лузаръ считаетъ, что начиная съ 1946 г. въ Комсомольскѣ можетъ быть законченъ ежегодно одинъ крейсеръ.

Постройка большихъ кораблей началась немедленно послѣ окончанія войны въ Совѣтской гавани, гдѣ были сооружены верфи, подобныя верфямъ въ Молотовскѣ. По свѣдѣніямъ Лузара, два большихъ линейныхъ корабля были закончены въ 1953 году. Въ Совѣтской гавани строются также авіаносцы, крейсера, миноносцы и подводныя лодки.

Для кораблей средняго тоннажа оборудована верфь въ Александровскѣ на Сахалинѣ, а для постройки подв. лодокъ — въ Николаевскѣ на Амурѣ.

Всѣ эти многочисленныя верфи должны питаться броней и прокатомъ, поставляемыми имъ металлургическими заводами, орудіями — съ орудійныхъ заводовъ, главными и вспомогательными механизмами — съ машиностроительныхъ заводовъ, производительность которыхъ должна быть въ соотвѣтствующихъ размѣрахъ увеличена. Кромѣ того, въ руки Совѣтовъ въ Кенигсбергѣ, помимо верфей, попали и машиностроительные заводы. О заказахъ механизмовъ въ странахъ — сателлитахъ было уже упомянуто выше.

Аналогично тому, какъ въ СССР существуетъ пріоритетъ военныхъ заказовъ передъ гражданскими потребностями, такъ и среди самихъ военныхъ заказовъ установлена очередь для выполненія. Первая очередь установлена для Тихоокеанскаго флота, вторая — для Сѣвернаго, третья — для Балтійскаго и послѣдняя для Черноморскаго. Поэтому, съ наибольшей быстротой строются корабли для Дальняго Востока.

Вообще, составъ совѣтскаго Тихоокеанскаго флота представляетъ собой самую большую загадку. Если свѣдѣнія Лузара достовѣрны, то тамъ, помимо двухъ новыхъ линейныхъ кораблей, должно находиться около десятка крейсеровъ, большое количество миноносцевъ и фантастическое число подводныхъ лодокъ.

Помимо строющихся непосредственно на Дальнемъ Востокѣ кораблей, туда доставляются составныя части кораблей съ заводовъ въ Европейской части СССР по желѣзной дорогѣ, а также

имѣется возможность перевода кораблей Сѣвернымъ путемъ. Такъ, еще въ 1936 г., были переведены на Дальній Востокъ эск. миноносцы Балтійскаго флота «Сталинъ» (бывш. «Самсонъ») и «Войковъ» (бывш. «Лейт. Ильинъ») и одна подв. лодка. Во время войны многочисленные миноносцы и подв. лодки были переведены тѣмъ же путемъ обратно изъ Тихаго океана на Мурманскъ. (см. статью въ U .S Naval institute Proceedings за май 1951 г.). Несомнѣнно, что такіе переводы практикуются и сейчасъ.

Можно считать установленнымъ, что до 1949-50 г. совѣтскія верфи закончили постройку кораблей вплоть до размѣра крейсеровъ заложенныхъ до войны, и что, начиная съ этого года, въ строй совѣтскаго флота вступаютъ уже корабли, заложенные послѣ войны. Къ этимъ кораблямъ относятся крейсера типа «Свердловъ», эск. мин-цы типа «Сталинъ» (2 500 т.), «Отважный» (2 000 т.) и «Несокрушимый» (2 800 т.). Джэнъ вскользь упоминаетъ о 55 мин-цахъ улучшеннаго типа «Грозящій», первоначальный проэктъ которыхъ принадлежалъ Одеро-Терни-Орландо, показавшихъ очень хорошія мореходные качества. Изъ подводныхъ лодокъ строются: улучшеннаго океанскаго типа „К“, нѣмецкаго океанскаго типа „XXI“, быстроходные заградители, лодки средняго тоннажа нѣмецкаго типа VIII и малыя лодки съ двигателемъ Вальтера.

По свѣдѣніямъ Лузара, одобренный Совѣтскимъ правительствомъ въ 1947 году планъ предусматривалъ постройку въ теченіи 1948 и 1949 гг. 45-ти эск. миноносцевъ водоизмѣщеніемъ около 3 000 тоннъ, а въ 1949 г. былъ утвержденъ планъ постройки въ теченіи 1950 и 1951 гг. дальнѣйшихъ 50-ти миноносцевъ. Такимъ образомъ, производительность совѣтскихъ верфей всѣхъ морей соотвѣтствуетъ 25-ти эск. миноносцамъ въ годъ.

Въ отношеніи подв. лодокъ, планъ предусматриваетъ нахожденіе въ строю къ 1 января 1949 г. :

150	лодокъ старшей постройки для учеб. цѣлей	всего 550 лод.
275	„ малаго и средняго тоннажа	
125	„ океанскихъ	

Къ 1 января 1952 г. :

250	лодокъ старшей постойки для учеб. цѣлей	всего 1200 лод.
200	„ соврем. малаго и средняго тонн.	
750	„ океанскихъ	

Такимъ образомъ, СССР долженъ строить около 215-250 лодокъ ежегодно, изъ нихъ преимущественно океанскаго типа, вмѣсто 125-150 передъ войной, изъ нихъ большинство малаго тоннажа.

Увеличеніе за 9 лѣтъ производительности совѣтскихъ верфей съ 125 на 215 лодокъ въ годъ — возможность вполнѣ реальная,

но одновременное увеличенiе не меньше чѣмъ въ два раза средняго тоннажа строющихся лодокъ — дѣло уже трудное.

Мы оставляемъ на отвѣтственности Рудольфа Лузара вычисленный имъ судовой составъ современнаго Совѣтскаго флота.

	Балт. м.		Черн. м.		Сѣверъ		Дал. Вос.		Всего		
	.	стр.	гот.	стр.	гот.	стр.	гот.	стр.	гот.	стр.	
линейные кораб.	2	1	2	1-3	—	4-5	2	?	6	?	
авiаносцы	2	3	—	—	—		?	?	?	?	
крейсера	8	6	9	2	7	?	2-10	?	26-34	*) ?	
эскадр. мин-цы	38	6	26	5	31	6	43	6	138	23	въ годъ
миноносцы	23	6	15	5	16	5	20	6	74	22	„ „
подвод. лодки	285	116	150	45	209	55	347	80	991	296	

Въ выше приведенный составъ входятъ бывш. нѣмецкiе и итальянс. корабли.
*) 4 крейсера изъ Балтiйскаго моря

Какъ не относиться къ этимъ цифрамъ, но можно считать реально достижимой нижеслѣдующую производительность совѣтскихъ верфей:

Отъ 10 до 14 большихъ кораблей въ постройкѣ срокомъ отъ 4-хъ до 6-ти лѣтъ. Въ это число входятъ и лин. корабли и большiе авiаносцы.

5 крейсеровъ типа «Свердловъ» въ годъ: 2 — въ Балтiйскомъ и по одному въ остальныхъ моряхъ.

По 25 эск. миноносцевъ и 25 миноносцевъ въ годъ.

215 - 250 подв. лодокъ со среднимъ тоннажемъ строющихся лодокъ требующимъ выясненiя.

Исходя изъ этихъ цифръ производительности совѣтской судостроительной промышленности, и зная, что таковая въ теченiи всего повоеннаго перiода интенсивно работала, становится очевиднымъ, что цифры состава совѣтскаго флота, которыя въ справочникѣ Джена замерзли на данныхъ 1949 года, не могутъ отвѣчать дѣйствительному составу совѣтскаго флота въ 1954 г.

Въ послѣднiе годы Западный мiръ былъ неоднократно поставленъ передъ фактами совѣтскихъ достиженiй въ области строительства воздушнаго флота, атомного вооруженiя и электронной аппаратуры. Нѣтъ основанiй предполагать чтобы Совѣты не приложили бы усилiй и для своего усиленiя на морѣ.

И почтенные джентельмены, засѣдающiе въ Англiйскомъ Парламентѣ, могутъ, въ одинъ прекрасный день, услышать врядъ ли для нихъ прiятную новость, что флотъ бывшей Владычицы морей — Великобританiи, уже не только по количеству плавающихъ кораблей, но и по всѣмъ классамъ судовъ, опустился ниже уровня Совѣтскаго флота.

Стар. лейт. К. фонъ Ноттбекъ.

НОВОЕ О СОВѢТСКОМЪ ФЛОТѢ.

(Добавленіе къ статьѣ въ Томѣ XII, № 2, іюль 1954)

Крейсера типа «Свердловъ».

Въ противуположность первоначальнымъ свѣдѣніямъ, крейсера этого типа имѣются не только въ Балтійскомъ морѣ и въ Ледовитомъ океанѣ, но и въ Черномъ морѣ и въ Тихомъ океанѣ.

Пока стали извѣстны слѣдующія названія:

«Ждановъ» (въ Ледовит. океанѣ), «Свердловъ», «Орджоникидзе», «Микоянъ», «Адмиралъ Ушаковъ», «Александръ Невскій» и «Дмитрій Донской» (въ Балтійскомъ морѣ), «Адмиралъ Нахимовъ» и «Суворовъ» (въ Черномъ морѣ), «Олегъ», «Рюрикъ» и «Варягъ» (въ Тихомъ океанѣ).

Въ іюлѣ 1954 г. крейсера типа «Свердловъ» посѣтили рядъ иностранныхъ портовъ. Крейсеръ «Адмиралъ Ушаковъ», подъ флагомъ контръ-адмирала Котова, въ сопровожденіи четырехъ эскадренныхъ миноносцевъ посѣтилъ Стокгольмъ, крейсеръ «Оржоникидзе» съ двумя эск. миноносцами посѣтилъ Гельсингфорсъ, крейсеръ «Адмиралъ Нахимовъ» съ двумя эск. миноносцами посѣтилъ Албанію, послѣ чего, черезъ Дарданеллы и Босфоръ прошелъ обратно въ Черное море не останавливаясь въ Константинополѣ. Крейсеръ «Олегъ» появился у острововъ Шумшанъ передъ Шанхаемъ въ сопровожденіи двухъ эск. миноносцевъ и 10.000 тоннаго нефтеналивного парохода, очевидно охраняя этотъ пароходъ отъ захвата сторожевыми судами китайскихъ націоналистовъ.

Новое промѣрное судно.

Въ Балтійскомъ морѣ появилось новое совѣтское промѣрное и описное судно «Крузенштернъ».

Бывшій германскій ледоколъ «Касторъ», послѣ капитальнаго ремонта, включенъ въ списки совѣтскаго флота подъ названіемъ «Пересвѣтъ».

Новая подводная лодка.

У береговъ Финляндіи съ іюлѣ этого года были замѣчены пять совѣтскихъ подводныхъ лодокъ новаго типа **съ убирающимися внутрь корпуса рубками.** Это устройство рубокъ и обтекаемая форма ихъ длинныхъ и узкихъ корпусовъ указываютъ на ихъ **большую подводную скорость.** Эксперты предполагаютъ, что онѣ снабжены атомными двигателями.

Къ статьѣ Б. Н. Бушенъ

«НА БРОНЕПОѢЗДѢ «ДМИТРІЙ ДОНСКОЙ»

(Въ Томѣ XII, № 1, «Морскихъ Записокъ»)

Нѣкоторыя исправленія и дополненія:

Стр. 7, строка 11 снизу: – одна вѣтка ж.д. идетъ на Кизляръ, другая черезъ мостъ на станцію Гудермесъ. Съ Гудермеса ж. д. путь идетъ съ одной стороны на Грозный и въ противоположномъ направленіи на Хазавъ-Юртъ, который чеченцами былъ сожженъ до основанія.

Стр. 7, строка 8 снизу: Городъ Грозный пострадалъ во время его осады, участникомъ которой былъ и я. Разрушенія были въ прифронтовой полосѣ: пострадали казармы, районъ Граничной улицы (граница возставшей станицы Грозненской и города), вокзалъ и участки непосредственно соприкасавшіяся съ фронтомъ.

Стр. 7, строка 3 снизу: Въ настоящее время этотъ городъ (Грозный) насчитываетъ болѣе 200 тысячъ жителей и является однимъ изъ главныхъ центровъ нефтяной промышленности въ С.С.С.Р. До гражданской войны въ немъ было около 40 тыс. населенія и въ прилегающихъ къ нему новыхъ и старыхъ промыслахъ — около 20 тысячъ.

Сообщилъ: Н. Е Зиминъ.

ПАМЯТИ ГАРОЛЬДА ДЖОНСТОНА

(To the memory of Harold Johnson)

Совершенно случайно въ New York Times отъ 3 іюня 1953 года я прочелъ некрологъ скончавшагося американскаго инженера и бывшаго морского офицера С. Ш. А., Гарольда Джонстона.

Какъ гласила статья, покойный въ первую міровую войну былъ отправленъ въ Россію въ 1915 году, гдѣ онъ былъ назначенъ наблюдать за постройкой американскихъ подводныхъ лодокъ, проданныхъ С.Ш.А. и перевезенныхъ въ разобранномъ видѣ въ Россію въ 1915 г.

Такъ какъ лично я не зналъ, что въ 1915-16 гг. Америка продала новыя подводныя лодки Россіи, я связался съ семьей покойнаго, въ результатѣ чего я получилъ точныя свѣдѣнія о вышесказанномъ.

Привожу выписку изъ письма «Electric Boat Company», Groton, Conn. Нѣтъ сомнѣнія, что тѣ лица, которые заинтересованы исторіей нашего Императорскаго флота, воспользуются этими свѣдѣніями для дальнѣйшей разработки.

А. Тарсаидзе

New York Times, Wednesday, June 3, 1953.
"Harold Johnstone. Submarine Expert".

"New London Conn. June 2, 1953. Harold Halleck Johnstone, Fitting-out superintendent for the Electric Boat Division of the General Dynamics Corporation, died at the Crocker House where he lived. He was 66 years old.

Mr. Johnstone was graduated in 1907 from the United States Naval Academy. He filled two assignaments aboard surface craft before being assigned to the U. S. S. Pike, one of the first undersea craft commissioned by the Navy. He resigned his commission in 1910 and went to work for the Electric Boat Organization in San Francisco.

At the outbreak of World War I, Mr. Johnstone was transfered to Canada by his company to work on submarines for the Allies. Later he went to Russia, where he supervised the assembly of submarines sent in sections from the United States".

Electric Boat
Division of General Dynamic Corporation
Groton. Connecticut.
August 19, 1953.

„Mr. Johnstone joined then the Electric Boat Company in 1910. In 1911 he was sent to Seattle as Resident Manager, and was relieved there in the early part of 1912, when he apparantly became the company's representative in Russia. Between 1910 and 1914 Russia built six submarines under licence from the Electric Boat Company. Three, the Kit, Cashalot and Narwhal were built at the Baltisky Works in Nicolaieff, and three, B-1, B-2 and B-3 were built at the Nevsky Works in Petrograd. Mr. Johnstone, Robert Gilmore, a mechanic, and a Mr. Graves, an electrician were sent to Russia to superintend the construction. In 1915 and 1916 five H-type submarines were built at Vancouver, shipped knocked-down and assembled at Petrograd. The last of these was shipped February 25, 1916. In 1918 twelve more were ordered to be built at Vancouver. Six were delivered, and the other six were in cases ready for shipment, but were taken over and incorporated into the United States Navy in that year. So eighteen submarines were built for Russia betwteen 1910 and 1918. In addition to this, Russia bought in 1904, the Fulton. This was an experimental boat which had been built with the private capital of the Electric Boat Company, bought by Russia durig the Russo-Japanese War. Commander Beklemisheff made one of the exibition dives on the Fulton in America, and was later commanding officer after Russia bought her. Jane's Fighting Ships for 1909 credit Russia with seven Holland-type submarines, which were the Electric Boat kind, built between 1903 and 1905, named: Feldmarshal Graf Sheremetyeff; Ocun, Sig, Plotwa, Kefal and Akula.

After the Revolution Mr. Johnstone was returned to America on a destroyer and was at the Groton plant until his recent death. He acted as production manager and, from 1939, as fitting ont superintendent.

Наборъ и печать типографіи «Монастырская печать». Санъ Пауло.
Impr. "Monastery Press". São Paulo. Brasil.

